

Андрей Теслинов

КОД КУЛЬТУРЫ РУССКОГО МИРА

КОНЦЕПЦИЯ. Версия 1.0

Москва – 2023

УДК 316.7
ББК 71.08
Т 36

Теслинов А. Г. Код культуры русского мира. Концепция. Версия 1.0. [Электронный ресурс] – М.: НКГ «ДиБиЭй-Концепт», 2023. – Электрон. дан., рис., – 3.8 Мб.; 90 с. – (Прикладные концептуальные исследования). Режим доступа: <https://www.teslinov.ru/>
Знак информационной продукции 12+

ISBN 978-5-906476-17-3

В работе предлагается подход (отношение) к способу определения существенных отличительных признаков культуры людей, которых называют русскими или прорусскими и которые сами считают себя таковыми.

Множество таких людей образуется не столько их гражданской (политической) принадлежностью к русскому (российскому) государству, не столько их этническим происхождением, сколько сходным образом жизни, поведением, мышлением, ценностями и другими признаками, которые сложились исторически и теперь выделяют этих людей среди других.

Множество (по Г. Кантору) – это «единое имя для совокупности всех объектов, обладающих определенным свойством». В этом смысле здесь предпринимается попытка отчетливее, чем это делалось прежде, определить признаки понятия «русский» как прилагательного имени (какой?), которое объединяет чрезвычайно разных людей в одну общность, в одно множество. Развернутый здесь подход опирается на известное понятие кода¹ и выводит к представлению о коде культуры русского мира – множества людей с общими свойствами.

Работу следует рассматривать как первую версию концепции кода культуры русского мира (версия 1.0). В последующих версиях концепция будет уточнена и дополнена с учетом углубления смыслов этой сложной реальности.

Адресуется русским людям и, в первую очередь, людям искусства, чьими творческими образами транслируются и укрепляются ценности нашего мира. Главное намерение автора состоит в том, чтобы помочь соотечественникам осознать собственное достоинство и постепенно возвращать его себе.

Научно-популярное издание.

Серия «Прикладные концептуальные исследования»

УДК 316.7
ББК 71.08

© А. Г. Теслинов, 2023

© А. Г. Теслинов, иллюстрации, 2023

© НКГ «ДиБиЭй-Концепт», 2023

ISBN 978-5-906476-17-3

---

¹ Код – взаимно однозначное отображение некоторого множества признаков (не обязательно упорядоченных) любого «отрезка» реальности или символов, принадлежащих некоторому конечному алфавиту, в иное, как правило, более упорядоченном множестве признаков, символов.

Концепция кода культуры русского мира выращена усилиями разработчиков и адептов научного направления «Концептуальный анализ и проектирование систем организационного управления» (Школа Спартака Петровича Никанорова) и представляет собой обобщение результатов дискуссий и исследований, развернутых в Клубе концептуальных аналитиков с 2014 года.

Я благодарен своим коллегам по Клубу за поддержку творческого напряжения, сопровождавшего ход этой работы. Особенная благодарность – *Александру Малахову, Вячеславу Осипову, Роману Волкову, Ирине Протасовой, Михаилу Андронову, Юрию Устругову, Сергею Сидоренко, Александру Кононенко, Сергею Солнцеву, Сергею Долуденко, Олегу Варламову, Энверу Нижаде-Гавгани* за продуктивную критику и разумные предложения в концепцию.

Выражаю искреннюю признательность коллегам Товарищества артистов МХАТ *Петру Гилёву* и *Марине Колесниченко* за смысловые подсказки, инициирующие импульсы к публикации концепции и ее терпеливое ожидание. Низкий поклон писателю *Юрию Мамлееву*, ушедшему уже в иной мир, но успевшему подарить человечеству свою «*Россию Вечную*». Встреча с ним оставила неизгладимый след и существенно повлияла на ход состоявшегося исследования.

Андрей Теслинов

Содержание

1. Мотивы к работе
  2. Подход
  3. Предпосылки концептуализации
  4. Концептуальная схема основных зависимостей в культуре
  5. Шкалы полярных качеств культур
  6. Код культуры русского мира
  7. Первые следствия проявления кода
- Литература

1.

Мотивы к работе

Обстоятельства цивилизационного конфликта 2022 года создали ряд факторов, принуждающих российское общество к самоопределению. Этот ряд видится таким:

- Происходящее с нами свидетельствует о том, что существующая форма жизни, форма отношений между странами, между элитами и народом, между людьми разной культуры и в целом между разными культурами себя исчерпала. Уплотнившиеся потоки претензий и ограничений, выдвигаемых сообществами друг другу, управляемые цветные революции, целенаправленная эскалация вооружения, «инновационные грабежи», воровская борьба за умы, вооруженные конфликты и другие безумные процессы приближали тот передел мира, который мы сейчас наблюдаем. Это знак обострения смысловых оппозиций, которые могут быть разрешены лишь на ценностно-смысловых уровнях существования общества.
- С наибольшей очевидностью в этом проявляется то, что исчерпана действующая экономическая модель и обусловленные ею модели социокультурного сосуществования народов, которые выстроил для себя и навязал человечеству западный мир и которые на время приняла Россия. Рост благосостояния в этой модели подменен увеличением капитала одних стран и людей за счет ограничения его роста у других.
- Происходящее – знак окончания частнособственнического благоденствия. Исчерпавшие себя формы жизни с очевидностью рушатся, не имея других образцов общественного развития, которые наше общество могло бы с осознанным удовлетворением принять и развивать. А поскольку *«не бывает сильных культур со слабой экономикой»* (Л. Уайт²), то этот экономический обвал тащит за собой все другие составляющие культуры.
- Развитие и само существование стран и мира упираются в тупик идеи либеральной стихии, не обрамленной смыслом коллективного существования с нарастанием качества и количества жизни. Это

---

² Уайт Л. Избранное: Наука о культуре. – М.: РОССПЭН 2004. – 960 с.

начало массового презрения той свободы, которая без ограничений, извинений, но с тяжелыми последствиями упирается в свободу других, что свидетельствует об исчерпании продуктивности форм деятельности, еще не приблизившихся к идеалам совместного восхождения по ступеням развития³.

- Во всем этом проявилось бессмыслие «голового» технологического развития, подгоняемого конкуренцией за капитал. Такая технологизация (цифровизация, автоматизация и пр.) лишь укрепляет позиции тех, у кого эти технологии оказываются более совершенными, создавая для них несравнимые преимущества в подавлении иных сообществ, живущих по другим правилам.
- Наглядно проявляется катастрофичность масштабов социальной, но прежде всего культурной, дистанции между различными слоями обществ и между обществами. Эта дистанция создается доминирующими укладами, сложившейся формой законотворчества, способами исполнения законов и другими нормами и поддерживающими их образованиями. Люди, оказывающиеся в разных по темпам развития мирах, не слышат, не способны слышать друг друга. Не создавая для представителей разных, космически удаленных слоев населения принудительного инструментария самоусложнения, общество (его образование) закладывают в свое существование мину замедленного действия.
- Развитие сообществ, культур теряет облик дерева с устойчивым стволом и приобретает характер куста с неупорядоченной ветвистостью. Этому процессу способствует взрыв инновационных технологий, которые позволяют зачинать новые линии жизненных циклов не только продуктовых ниш, но и целостных укладов экономики и культуры. В этой гонке перемен объективно теряется то смысловое, ценностное, что позволяет сохранять идентичность общества, российского общества самому себе, своей истории, своей самобытности, поддерживающей с древних времен животворную диахронную связь в поколениях и тем самым – свою живучесть.
- То обстоятельство, что разлом вспыхнул у нас на глазах, что мы могли наблюдать созревание его предпосылок и наблюдаем теперь сам процесс, глубоко участвуя в нем, позволяет утверждать, что все это происходит согласно закономерности, имя которой «РАЗВИТИЕ» – способ существования живых целостностей (людей, организаций, сообществ, стран, культур и пр.) в виде смены их инварианта, смены

---

³Теслинов А. Г. [Благодатные силы индивидуализации](#) // *Идеи и идеалы*. – 2022. – Т. 14, № 2, ч. 1. – С. 180–196. – DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.2.1-180-196.

неизменного в них⁴. Народностям России, близким по духу, экзистенциально необходимо найти и укрепить свою идентичность, свой цивилизационный путь среди обваливающихся образцов западного мира, демонстрирующего свою непригодность для будущего человечества.

- Мир так развивается: новое рождается в муках. Это время, когда страны, организации, сообщества, семьи, люди, культуры ищут, создают новые формы своего существования. Все это делают по-разному. Кто-то на ощупь, напряженно конструирует новую реальность. Кто-то пытается уцепиться за остатки исчезающего мира, чтобы продлить благодатное для себя время. Кто-то просто ждет лучших времен. Это время поиска того надежного «места», в которое обществу нужно сделать следующий шаг с уверенностью в том, что он усилит его живучесть. Этому поиску нельзя помочь лишь экономическими, организационными или другими административными, «вертикальными» решениями и методами. Ему можно и необходимо помогать методами, основанными на задействовании фундаментальных механизмов культуры.

В этой связи перед российским обществом возникают вопросы:

- Как нам необходимо понимать свою культуру для формирования направлений ее развития? Мы – это кто? Мы – это какие?
- Каковы ключевые признаки культурного кода общества, выросшего в исторически долгой ретроспективе под существенным влиянием русского народа и теперь определяющего этнически разные общности как одно множество? Каковы признаки нашего культурного кода?
- Кого, какие народы, с какими культурными особенностями следует считать близкими по своим основаниям обществу, сформировавшему современную Россию? С кем нам дальше? И как определять эту близость или объективную дистанцию между культурами?
- Какими должны стать базовые векторы особенного цивилизационного пути общества с такой культурой? Куда нам дальше?

---

⁴ Теслинов А. Г. О существе развития. Логика «первых» утверждений // Никаноровские чтения: Третья научно-практическая конференция Школы КАиП СОУ (Москва, 25 ноября 2017 г.): сборник статей. – М.: ДиБиЭй-Концепт, 2017. – С. 11–17.

- Как при этом следует мыслить общество, стремящееся сохранить и усилить свою прочность – как цивилизацию, как русскую цивилизацию, как цивилизацию российского общества или иначе?
- Каковы возможные подходы к формированию нашего пути?

Попытки ответить на эти и связанные с ними вопросы предпринимались в Клубе концептуальных аналитиков⁵ с 2014 года.

С разной интенсивностью эти вопросы поднимались к постановке проблемы в ее настоящей формулировке⁶. При этом участники такой работы всегда сознавали ее сложность, которая исторически нарастает в обществе, исконно погруженном в поиск оснований своей самобытности, своего исторического пути и... не находящем их.

За снегами, лесами, степями
Твоего мне не видно лица,
Только ль страшный простор пред очами,
Непонятная ширь без конца?
(А. Блок)

По словам Юрия Мамлеева, «...непроявленность России оставляет поле для тайны, свободу космологического движения, возможность поцелуя, направленного в неизвестное»⁷. Это обстоятельство создает сильнейший вызов для продолжения поиска с привлечением самых мощных инструментов мышления. Часть из них и некоторые наработки Клуба использованы в настоящем исследовании.

Далее излагается подход к исследованию; концептуальные (понятийные) предпосылки к формированию признаков культуры нашего общества; результаты концептуализации ее кода и первые следствия из сформированных утверждений.

Есть надежда, что представленные здесь результаты позволят объяснить ряд сложных явлений «русской реальности» самой себе. Без сомнений, это позволит восхититься драгоценным даром предков, создавших и сохранивших нашу культуру. Возможно, это поможет спокойно и уверенно отвернуться от стремительно падающего в небытие западного мира, столетиями негодующего по поводу иного, самостоятельного выбора пути нашего общества в Великое Неизвестное, которое он стремится всеми силами потащить за собой.

---

⁵ Клуб концептуальных аналитиков (<https://master-concept.ru>) – профессиональное сообщество разработчиков, проводников и пользователей технологии мышления, основанной на тщательной работе с понятиями в традициях школы «Концептуальный анализ и проектирование систем организационного управления» (Школа С.П. Никанорова).

⁶ <https://master-concept.ru/rusgrad-pilotnaya-model-budushhey-tsivilizatsii/>

⁷ Мамлеев Ю.В. Россия вечная. – М.: Эксмо, 2014. – 512 с. – (Библиотека всемирной литературы).

И вторая надежда: найти и сделать явными (эксплицировать) концептуальные основания нашей культуры для творческой интеллигенции (представителей литературы и искусства театрального, изобразительного, музыкального и др.), которые могли бы согласиться с ними и своими средствами и силами транслировать их в сердца и души соотечественников, укрепляя наш неистребимый Дух.

Фото Антон Гердо. Источник: <http://www.kadet.ru/>

2.

Подход

Первый шаг в поиске ответов на состоявшийся вызов состоит в определении особенностей, отличительных признаков русской культуры, или, как это теперь именовано на государственном уровне⁸, культуры русского мира (далее – КРМ). Именно она выступает фундаментом единения, сборки разных народов российского общества на основе близости их ценностно-смысловых оснований. Выделив эти признаки среди признаков других близких и далеких по каким-то основаниям культур, можно будет рассуждать о самом коде. Как это сделать?

В общих чертах подход к решению этой задачи видится следующим образом:

1. Необходимо провести обобщение проявленных особенностей КРМ в исторически обозримые периоды (древнейший догосударственный период; периоды Киевской Руси, раздробленности, единого царства, Российской империи – эпохи до революции 1917 года; советский период; период после разрушения СССР; настоящее время). В сборке признаков КРМ следует опереться на так называемую «длинность памяти» (памятливость культуры). Их следует извлекать из сохранившегося в наши дни следа культуры наших предков. При этом необходимо отбирать то, что не терялось в КРМ во все обозримые времена и сохранилось как подлинное, достойное пересказов, образующее нашу мифологию, составляющее примеры, на которых воспитывались дети. Это те признаки, которые в отечественной и зарубежной литературе представляются как «характерные для русских».
2. В поиске этого «характерного» стоит опираться на те феномены, которые обусловили живучесть нашей культуры. Разумеется, в многовековой исторической поступи русский мир проживал и переживал разные состояния, которые размывали черты его самобытности. В разные времена его движение определяли нерусские цари, нерусские влияния, нерусские выборы. Но именно в этих

---

⁸ Указ Президента РФ от 5 сентября 2022 года № 611 «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом».

отклонениях, в этих девиациях поведения крепили и сохранялись сакральные ядра культуры русского мира, по которым мы можем пытаться определить ее код. Обращение к ним дает нам богатый материал для определения того неизменного, того инварианта культуры, который проявляется в нашем обществе в наше время. Особенно показательны в этом смысле искажения культуры русского мира в последние тридцать лет. Речь идет о том, что при сильном и целенаправленном влиянии англосаксонского мира на КРМ в предыдущие десятилетия и особенно после предательского государственного переворота 1993 года ряд ее оснований стал стремительно размываться, замещаясь чуждыми исконной русской культуре примерами. Особенно это заметно по поведению молодых поколений соотечественников. Иными словами, «характерным», то есть существенным отличительным признаком КРМ следует считать то, что придавало ей устойчивый и, можно сказать, героический облик, благодаря которому народы русского мира смогли сохраниться через века. В основании этого условия принятого подхода к исследованию кода КРМ лежит убеждение в том, что базовой функцией культуры является сохранение живучести ее самой и ее носителей⁹.

3. Необходимо учесть то неперемное обстоятельство, что КРМ находится в становлении, в развитии. Это позволит избежать соблазна придать ее образу черты застывшего памятника, так называемого культурного наследия¹⁰. Это условие означает, что, определяя тот или иной признак КРМ, нам не следует давать ему окончательную характеристику, но стремиться увидеть через него вектор развития культуры. При этом по возможности стоит мыслить диапазон эволюции КРМ издали и вдалгую, не менее чем на 500 лет вперед, чтобы принудить себя к поиску ее фундаментальных оснований.
4. Целесообразно в основание конструирования понятия КРМ взять смыслогенетическую концепцию культуры¹¹. Культуру следует рассматривать как пространство ценностно-смысловых ядер, образующихся под влиянием исторически складывающихся обстоятельств жизни ее носителей и естественных законов развития ее самой, закрепленных в обществе разнородными культурными средствами. Здесь смыслы (по Г. Шпету) – экзистенциально окрашенные значения длительных «отрезков реальности» в

---

⁹ Уайт Л. *Избранное: Наука о культуре*. – М.: РОССПЭН 2004. – 960 с.

¹⁰ Увы, в направлении превращения культуры в памятник нынче движутся многие государственные программы.

¹¹ Восходит к работам Ю. Лотмана, А. Леонтьева, Л. Выготского, П. Гальперина, Л. Уайта, Э. Кассирера, Ч. Пирса, А. Бергсона, А. Пелипенко и других мыслителей, признающих символическую природу человеческого поведения.

развивающемся контексте¹². При этом на ценности стоит смотреть как на своего рода «инстинкты культуры», формирующиеся в долговременном, повторяющемся закреплении смыслов (значений реальности) различными культурными средствами. Такой (смыслогенетический) подход к пониманию культуры позволит избежать соблазна в характеристике признаков КРМ опереться на психические, то есть биологические особенности людей, отождествляющих себя с КРМ. Культуру следует рассматривать как совокупность явлений надбиологической сферы. В какой-то мере, весьма приблизительно эту сферу определяет европейское понятие «ментальности» в трактовке Талленбаха Г.: *«...всеобщая установка или коллективный образ мыслей, обладающий относительным постоянством и основывающийся не на критической рефлексии или спонтанных случайных мыслях, а на том, что рассматривается в пределах данной группы или общества как само собой разумеющееся»*.¹³ Не погружаясь далеко в научную дискуссию о соотношениях ментальности, психики, души, духа, мышления и близких к ним понятий, для нашего исследования будет достаточным определять культуру как сферу мышления, «работающую» со смыслами. Это очень часто упускается из виду исследователями, вошедшими в культуру через «двери психологии». Мы оставляем психологию в стороне дважды. Во-первых, в качестве способа истолкования биологических реакций людей на внешние по отношению к сознанию события. И, во-вторых, в качестве способа интерпретации психических реакций людей на феномены культуры. Иными словами, в настоящем исследовании делается установка на анализ сугубо культурологических феноменов русского мира, остающихся после вычета из них феноменов психической природы. Разумеется, эта операция чрезвычайно сложна, но не сложнее самой попытки определить код КРМ.

5. В противовес сложившейся традиции определять культуру по ее так называемым явным признакам (то есть по обобщению поведенческих шаблонов ее носителей) – следует искать значенческие, смысловые, ценностно-смысловые основания, которые стоят за тем или иным поведением. При этом следует исходить из того, что в любом поведении непременно проявляются обе природы («первая» и «вторая», то есть животная и человеческая), а нам необходимо определить код лишь «второй» природы, которая самой собой

---

¹² Шпет Г. *Мысль и Слово. Избранные труды.* – М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2005. – 688 с.

¹³ Телленбах Г. Ментальность в средневековой концепции и практика исследования // История ментальностей и историческая антропология: Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. – М.: Институт всеобщей истории РАН. Российский государственный гуманитарный университет, 1996. – 256 с.

снимает противоречия, вызванные «первой», уничтожая в людях скотское и создавая человеческое. Кроме того, следует учитывать природу возникновения конкретных ценностно-смысловых ядер культуры. Для этого необходимо по возможности обращаться к истории становления русской ментальности, создавшей специфическую общность. История может позволить определить те или иные причины обособления КРМ.

6. В исследовании культуры необходимо опираться на то, чем располагает и чем формирует культуру искусство. Речь идет об искусстве в широком смысле – как о форме творчества, представленного актами духовной самореализации людей в ходе понимания действительности и ее отображения в художественных образах. В искусстве следует наблюдать за тем, что в нем выделялось и выделяется как подлинное, достойное, сугубое, исконное для КРМ. Для этого необходимо отбирать в художественном творчестве то, что традиционно связывалось с КРМ ее носителями, что в искусстве выделялось как достойное сохранения, восхищения, подражания, достойное самой жизни, существования. При этом способы выражения всего этого не имеют значения, ведь, как говорил Лао Цзы, увидев уродливое, мы понимаем, что такое прекрасное и наоборот.

*«Богатыри», 1881–1898 гг. В. М. Васнецов.
Источник: Государственная Третьяковская галерея*

7. При определении существенного в КРМ следует исходить из примеров переживаний жизни русского духа в произведениях выдающихся представителей разных видов искусства – литературы, живописи, музыки, театра. Именно они причастны к созданию грандиозной панорамы метафизической жизни России, в которой в длящемся тысячелетии созрел русский мир, картины ее внутреннего самосознания, непрерывно отвечающего на сакральный вопрос: «Что такое Россия?» Среди поэтов это те, кто формировал подтекст патриотической лирики: Пушкин, Лермонтов, Блок, Есенин, Тютчев, Некрасов, Андрей Белый, Волошин, Цветаева и др. Среди прозаиков это в первую очередь Достоевский, Толстой, Гоголь, Горький, Чехов, Гончаров, Платонов, Лесков, Андрей Белый, Федор Сологуб и др. Среди философов это Г. Сковорода, Н. Данилевский, К. Леонтьев, Н. Бердяев, славянофилы А. Хомяков, И. Ильин и др.
8. В связи с предыдущим суждением в качестве активных компонентов культуры следует рассматривать не только явные причины, но непременно и метафизические, и даже мистические, поскольку их существование есть след исторической развертки культурного кода общества. Наряду с природообусловленными обстоятельствами формирования культурного кода (география, природные условия проживания коренного этноса, сложившееся социальное окружение и пр.) именно метафизические, выходящие за пределы наблюдаемых явлений условия формируют поведение, обусловленное так или иначе понимаемым, схватываемым и удерживаемым в культуре значением прошлого, настоящего и будущего. Поскольку в основании «культурного поведения» людей лежат не природные инстинкты, а результаты того или иного «прочтения» наблюдаемой, переживаемой, мыслимой реальности, поскольку для сугубо человеческой, то есть сознающей, природы всё есть текст¹⁴, то метафизика, выражаемая людьми в различных формах, становится точно таким же материалом для понимания культуры, как и артефакты, языки, ритуалы, мифы, виды деятельности и другие наглядные образцы жизни.
9. При выделении признаков культуры русского мира в качестве апофатического (отрицательного) примера необходимо брать культуру западного мира, наглядно проявляющуюся в текущий исторический момент как антипод КРМ. Это противопоставление издавна понимается нашими соотечественниками. *«Всепроникающая интуиция, подкрепленная глубокими исследованиями, позволяет видеть некую многозначительную отстраненность от внутреннего бытия Древней Руси как от Византии, так и от Запада... от всякого исторически ограниченного бытия»* (Ю. Мамлеев). Еще жестче об

---

¹⁴ Лотман Ю.М. Культура и язык // Чему учатся люди. Статьи и заметки. – М.: Центр книги ВГБИЛ им. М.И. Рудомино. – 2010. – С. 56–63.

этом противопоставлении говорили и прежде многие другие выдающиеся мыслители нашей культуры, например Ф. Достоевский: *«Нам не простят, если мы будем сами собой»*¹⁵; Н. Данилевский: *«Европа видит в Руси, в Славянстве, не чуждое только, но и враждебное начало»*¹⁶. События 2022 года в Донбассе, в Луганске, в Херсоне и Запорожье демонстрируют всему миру, с какой ненавистью и жестокостью западный мир использует свои и чужие ресурсы для уничтожения самого русского духа.

10. При справедливости мысли о том, что «нет сильных культур со слабой экономикой» (Л. Уайт)¹⁷, *«...основные нравственные сокровища духа в основной сущности своей не зависят от экономической силы»*¹⁸. Это означает, что следует отказаться в центр сравнительного исследования культур ставить экономические достижения сообществ, поскольку они являются не ноуменами культуры, а лишь следствиями, феноменами, отражающими содержание тех или иных базисных составляющих культурных кодов сообществ. *«Утверждать же, что нищая и неурядная земля наша не может заключать в себе столь высокие стремления, пока не сделается экономически и гражданственно подобною Западу, – есть уже просто нелепость»*¹⁹.

11. В качестве положительного примера для определения признаков КРМ стоит брать культуру Востока в ее устремлении к самопознанию, вскрытию глубинных оснований человеческого бытия, сосредоточении на духовном векторе, направленном внутрь человека. Прежде всего это культура народов Индии. В индийской метафизике (в веданте, как и в православии) «душа» божественна по своей природе, обладает качеством «вечности», но эта ее природа скрыта за занавесью психики, ума, тварного. В этой культуре душа не творение, а манифестация (проявление) божественного. В этом смысле религиозный аспект индийской культуры не имеет ничего общего с состоянием «благополучия» при этой жизни и даже «спасения», к которым свернулась религиозная мысль и практики Запада, а нацелен на единение с Богом непосредственным путем высшего знания и состояний духа.

---

¹⁵ Достоевский Ф.М. Дневник писателя (1876). – М.: АСТ, 2022. – 544 с.

¹⁶ Данилевский Н.Я. Россия и Европа / Сост. и коммент. Ю.А. Белова; отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2008. – 816 с.

¹⁷ Уайт Л. Избранное: Эволюция культуры. – М.: РОССПЭН, 2004. – 960 с.

¹⁸ Достоевский Ф.М. Пушкинская речь // Полное собрание сочинений. Т. 26. – Ленинград: Наука, 1984. – С.129–149.

¹⁹ Там же.

Тадж-Махал. Индия. Фото А. Теслинов

Это глубинное намерение индийской культуры имеет близкие корни с русским религиозным «искательством», выпукло представленным миру в нашей философии и художественной литературе, где религиозная задача человека определяется так: найти Христа внутри человеческой души, найти внутреннего Христа. В эту же сторону, в сторону целостного развития человека и общества направлены стремления тех этнически разных русских, которые исповедуют ислам, сохраняя его базовые ценности²⁰. Пожалуй, наиболее близкими к индийской культуре являются верования и ритуалы русских буддистов, чье мировоззрение питается теми же соками, что и она²¹. И в связи с этими параллелями весьма органичны и понятны переживания К. Леонтьева о том, *«спасемся ли мы государственно и культурно? Заразимся ли мы столь несокрушимой в духе своем китайской государственностью и могучим, мистическим настроением Индии?»*²²

---

²⁰ *Анри Корбен. История исламской философии. – М.: Прогресс-Традиция, 2010. – 360 с.*

²¹ *Согьял Ринпоче. Тибетская книга жизни и смерти. 20-летнее юбилейное издание. – М.: Ганга, 2019. – 704 с.*

²² *Леонтьев К.Н. Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения // Восток, Россия и Славянство. Философская и политическая публицистика: Духовная проза, 1872–1891. – М.: Республика, 1996. – 798 с.*

12. Поскольку настоящее исследование предпринято и ведется аналитиками, сознающими свою принадлежность к русской культуре, то следует признать приемлемым использовать в определении ее признаков и наши самоощущения, наши ценностные самоопределения. У многих из нас есть разнообразный опыт культурных диалогов, возникающих в ходе профессиональной деятельности. Кроме того, есть опыт многолетнего специального исследования закономерностей развития культур в ходе исследовательских экспедиций по многим странам мира - «ЖИВАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ»²³. К этому опыту, к ощущениям и мышлению самобытия мы сможем обращаться в случае неразрешимых сомнений относительно того или иного признака культуры русского мира.

Последующая работа по выделению признаков КРМ и концептуализации ее кода исходит из этих общих черт принятого подхода.

---

²³ Речь идет о ежегодных экспедициях «ЖИВАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ», организуемых автором для исследования различных аспектов и закономерностей развития Культуры в широком смысле (<https://liveparallel.ru>)

3.

Предпосылки концептуализации

Предпосылками работы над любой концепцией следует называть сознательно вводимые установки мышлению (в виде понятий, представлений, ограничений, гипотез), которые определяют некую смысловую «рамку» решений об исследуемом предмете²⁴. В любом серьезном поиске они необходимы для того, чтобы фиксировать контекст последующих рассуждений. И если исход рассуждений не будет удовлетворять решению задачи, то можно будет вернуться к предпосылкам и изменить их – развить, уточнить, отказаться. Как правило, это избавляет от бесполезного спора относительно результатов работы, поскольку появление их становится объяснимым, выведенным из предпосылок как из оснований.

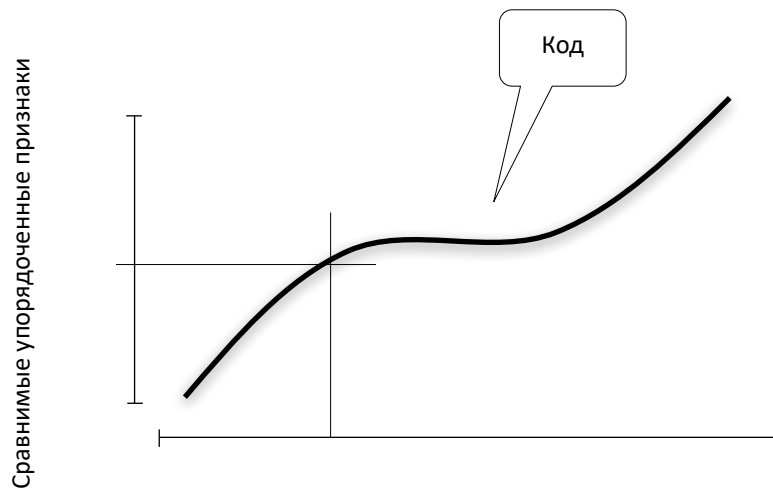
Далее во внимание принимаются следующие предпосылки исследования кода культуры русского мира.

1. Код (обобщенно) – это взаимно однозначное отображение некоторого упорядоченного множества признаков любого «отрезка» реальности или символов, принадлежащих некоторому конечному алфавиту, в ином, не обязательно упорядоченном (как правило, более обширном), множестве признаков, символов. То есть это способ адекватной передачи информации.

В нашем случае это отображение размытых признаков русской культуры, проявляющихся в поведении огромного разнообразия ее носителей, но невыразимых настолько отчетливо, чтобы ее можно было сравнить с другими культурами, в языке упорядоченных и, следовательно, сравнимых признаков (рис. 1).

---

²⁴ *Теслинов А.Г.* Концептуальный способ разработки концепций. На примере Концепции непрерывного образования взрослых. – М.: ДиБиЭй-Концепт, 2014. – 144 с. – (Прикладные концептуальные исследования).

Рис. 1. Схема концепта «код культуры»

2. Фундаментальными признаками культур, выражающих их качество (по-гегелевски – их тождественную с бытием определенность), являются устойчиво присущие им **ценностно-смысловые ядра (ценности)**²⁵, определяющие приоритет тех или иных значений отношений, в которые вступают люди друг с другом, с самими собой, с другой реальностью. Иными словами, ценности определяют то или иное «прочтение» реальности. Именно эта мысль стоит за кантовской аллегорией: «Один, глядя в лужу, видит в ней грязь, а другой – отражающиеся в ней звёзды. Каждый видит то, о чем и как он думает и как осознает». Ценности и связанные с ними значения отношений с реальностью (жизненных сюжетов, явлений, переживаний, событий и пр.) образуют некую «внутреннюю культуру» людей, поскольку формируются в ходе воспитания, образования, опыта переживания потока жизненных явлений, под влиянием той или иной конкретной среды, в которой люди вырастают. На основании откровений современной культурологии²⁶ примем утверждение о том, что именно эта закономерно возникающая устойчивость позволяет говорить об особенностях какой-либо культуры.

3. Ценности людей не очевидны. Они есть «тайна за семью печатями». Они нигде не «лежат» так, чтобы их можно было рассматривать под каким-то интеллектуальным микроскопом. О них можно судить лишь по тому, как они проявляются в различных отношениях людей с реальностью. Ценности проявляются в том, какие **значения придают люди различным отношениям** с реальностью, в которые они вступают. Так, «что русскому здорово, то немцу смерть». Если для китайца «что

²⁵ Смысловые ценностные, ценностно-смысловые основания, или «ядра», – это разное, однако для упрощения текста и сложного дискурса будем их отождествлять и чаще всего сводить к ценностям.

²⁶ Напомним, за основу взята смыслогенетическая концепция культуры.

естественно, то не безобразно» (жизненное кредо), то для европейца всего прежде – этикет²⁷. В трудные для страны времена одни бегут из нее, спасая шкуры, а другие добровольцами пополняют ряды защитников, спасая души. Примеры этих и любых других значений отношений есть след активности ценностей людей. Повторим: ценности людей определяют конкретные значения тех отношений, в которые они вступают с различными объектами реальности.

У любого отношения есть три аспекта²⁸: 1) «с кем, с чем»; 2) содержание отношения; 3) мощность отношения – количество объектов, между которыми оно возникает. Для нашего исследования достаточно брать во внимание лишь содержание отношений людей к тем или иным объектам реальности, пренебрегая величиной их мощности. Собственно «значение» отношений и проявляется в их содержании: отношение любви, отношение отождествления, отношение приверженности, отношение отрицания, отношение этической субъектности и др. При этом будем полагать, что по мощности все отношения, которые проявляются в культурах, велики и целиком охватывают носителей тех или иных культур. Все примеры маргинальных случаев в культурах лишь подтверждают существование неких устойчивых значений тех или иных отношений людей с внешней и внутренней реальностью.

4. Те значения, которые сознательно или бессознательно люди придают своим отношениям с различными явлениями реальности, создают особенные **роли людей** в разных процессах. Роль – это проекция того или иного по содержанию отношения. Так, например, проекция родственных (по содержанию) отношений взрослого мужчины со своими детьми придает ему роль отца. Проекция отношений дружбы между людьми придает каждому из них роль товарища. Проекция религиозного отношения создает для человека роль последователя той или иной религии. Действия людей в культуре всегда ролевые.

5. Каждая особенная роль формирует то или иное конкретное **поведение людей**, поскольку в широком смысле роль – это характеристика ограничения разнообразия действий, выполняемых людьми в каких-то реальных процессах. Положим, мужчина с культурологической точки зрения – это, конечно же, не совокупность половых признаков человека, а его роль («Наконец я слышу речь не мальчика, но мужа» (А. Пушкин)). В этой роли он отвечает за слова, прост, вежлив, сдержан, не обидчив, но заботлив, мягок в словах, но тверд в аргументах, и так далее до последнего пункта: «*Душа – Богу, сердце –*

---

²⁷ Этикет – от франц. *etiquette* («этикетка») – карточки с правилами поведения, которые раздавались при дворе французского короля Людовика XIV.

²⁸ Здесь отношения рассматриваются с теоретико-множественной точки зрения.

женщине, долг - Отечеству, честь - никому»²⁹. Партнер, акционер, менеджер, тренер, депутат - это другие роли человека. И не всегда они совпадают с ролью мужчины. И так всюду.

6. Типовые варианты успешного поведения людей, сохраняющиеся длительное время и закрепляющиеся в обществе, образуют специфический контекст, некую «внешнюю культуру». Она-то и формирует у людей те или иные **ценности** как фундаментальные основания их «внутренней культуры». В этом проявляется так называемая власть культуры. Механизм этой власти лежит в глубинных слоях человеческой психики, непрерывно возвращающей человека в естественно-непротиворечивое состояние, к знакомым, успешным вариантам поведения³⁰.

Согласно этим представлениям, в определении кода культуры возможен следующий ряд зависимостей, которые используются дальше при обосновании кода КРМ:

Ценности = f (Внешняя культура)

Значения отношений с реальностью = f (Ценности)

Роли = f (Значения отношений)

Поведение = f (Роли)

Внешняя культура = f (Поведение)

Живучесть культуры = f (Внешняя культура)

Эти зависимости инвариантны по отношению к любой культуре и носят фундаментальный характер. Обобщенно их следует понимать следующим образом: на поверхности культурных различий лежит то или иное поведение людей в каких-то жизненных ситуациях («внешняя культура»), которое определяет живучесть культур. В эпицентре же, в «сердце» этих различий находятся те самые ценности, которые различны у китайца, у русского, у англосакса, у бура, у представителя народности химба, херера, йоруба, украинца... - «внутренняя культура». Круг замкнулся.

Этот взгляд совпадает с основными принципами концептуального наследия отечественной культурологии, наиболее отчетливо представленными в лотмановской «семиосфере» и близких к ней толкованиях «второй природы». Ю. Лотман убедительно доказал, что культура - это язык, организованный по определенным правилам, а весь

---

²⁹ Все 26 пунктов содержатся в «Кодексе чести русского офицера»: Кульчицкий В.А., Дурасов В.А. Кодекс чести русского офицера. Советы молодому офицеру. Дуэльный кодекс. - М.: АСТ, 2017. - 224 с.

³⁰ Пелипенко А.А. Постигание культуры: в 2 ч. Ч. 1: Культура и смысл. - М.: РОССПЭН, 2014. - 607 с.

мир для человека – это текст. «Переведение некоторого участка действительности на тот или иной язык культуры, превращение его в текст, то есть в зафиксированную определенным образом информацию и внесение этой информации в коллективную память – такова сфера повседневной культурной деятельности³¹. Данным тезисом утверждается, что в культуре любое отношение человека к реальности – это то или иное ее (реальности) прочтение.

7. Из разнообразия всех отношений, которые создаются людьми, для определения кода культуры вообще и кода КРМ далее выбираются **экзистенциальные**. Это те отношения, которые определяют саму возможность существования людей, находящихся в той или иной культуре, и самой «второй» природы. Речь идет о том, что для выделения существенного в культуре не стоит исследовать некие обыденные отношения: например, к кошкам, к собакам, к расстановке мебели в новой квартире, к спорту. Все они либо многократно опосредованы некими фундаментальными для той или иной культуры отношениями, либо обусловлены нашей биологической природой. В качестве экзистенциальных отношений далее рассматриваются следующие:

- отношение к благу, к конечным ценностям существования;
- отношение к формам совместного бытия;
- отношение к планам бытия;
- отношение к опорам доверия;
- отношение к религии;
- отношение к личному счастью;
- отношение к идеалам;
- отношение к справедливости;
- отношение к историческому предназначению;
- отношение к другим культурам;
- отношение к исходу противостояния;
- отношение к предельным состояниям духа;
- отношение к Родине;
- отношение к семье;
- отношение к порядку;
- отношение к труду;
- отношение к языку.

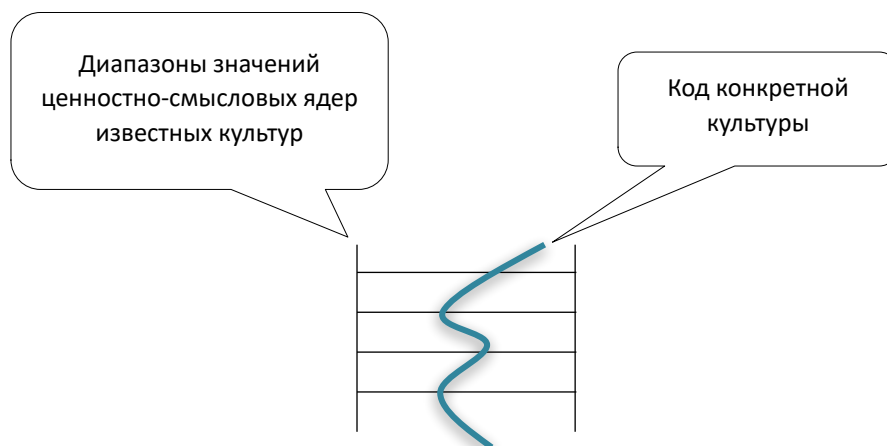
Может показаться странным, что в состав этих отношений не попали те, которые являются предметами многих глубоких философских дискуссий и

---

³¹ Лотман Ю.М. Культура и информация // Семиосфера. – СПб.: Искусство, 2010. – 703 с.

волнуют сердца мыслящих людей. Это, например, отношение к смерти, отношение к времени, отношение к противоположному полу и ряд других. Они не взяты в рассмотрение, поскольку либо они опосредуют какие-то уже выбранные отношения (например, отношение к смерти определяет смысл конечного существования, значение предельных состояний духа и пр.). Либо они имеют мировоззренческий характер, существенно не влияя на экзистенцию. Либо они имеют в большей мере биологическое значение, чем культурное. Однако, по мере углубления исследований к выбранным отношениям могут быть добавлены другие (или некоторые удалены) ради концентрации внимания на наиболее значимых отношениях с точки зрения их экзистенциальной роли.

8. Признаки конкретной культуры будут определяться как специфические, характерные для нее позиции в диалектическом разнообразии доминирующих ценностных значений реальности (ценностей), проявляемых во всех культурах в тех отношениях, которые мы выделили как экзистенциальные. Иными словами, признаки конкретной культуры будут определяться в дихотомии полярных качеств известных культур. Для этого по каждому из выделенных отношений предстоит определить те значения, которые в ценностном плане демонстрируются диаметрально разными известными культурами. И тогда код конкретной культуры будет определяться результатом объединения характерных для нее позиций по всем выделенным отношениям как на некоей «шкале полярных качеств культур» (рис. 2).

Рис. 2. Шкала полярных качеств культур

Если каких-то примеров культур не найдется, то будут приниматься во внимание контрадиктарные (противостоящие друг другу), крайние из возможных значений исследуемых отношений. Такой (дихотомический)

способ выражения особенностей культур известен³². Хотя в большинстве примеров при характеристике культур в качестве шкал используют не столько собственно культурные признаки, сколько психологические, причем выбранные без серьезных оснований. Далее будут приниматься во внимание лишь признаки ментальной природы людей.

9. Там, где это возможно, будут приводиться аргументы за ту или иную ценностную пару полярных значений отношений, взятые из философского, литературного, научного творчества и наблюдений за поведением людей разных культур.

С учетом этих предпосылок под кодом КРМ будет пониматься отображение множества базовых **ценностных значений экзистенциальных отношений к реальности**, которым исстари «подчинялось» поведение людей русского мира в различных жизненных контекстах, на шкале диалектического разнообразия качеств любых других возможных культур.

Эти суждения позволяют сформировать концептуальную схему фундаментальных зависимостей в культуре, которая дальше будет использована как тектологическое основание исследования кода КРМ.

---

³² Примерами такого способа определения являются так называемый измеритель Хофстеде, опросник корпоративной культуры Даниэля Р. Дэнисона, подход к измерению культур Ш. Шварца и некоторые другие.

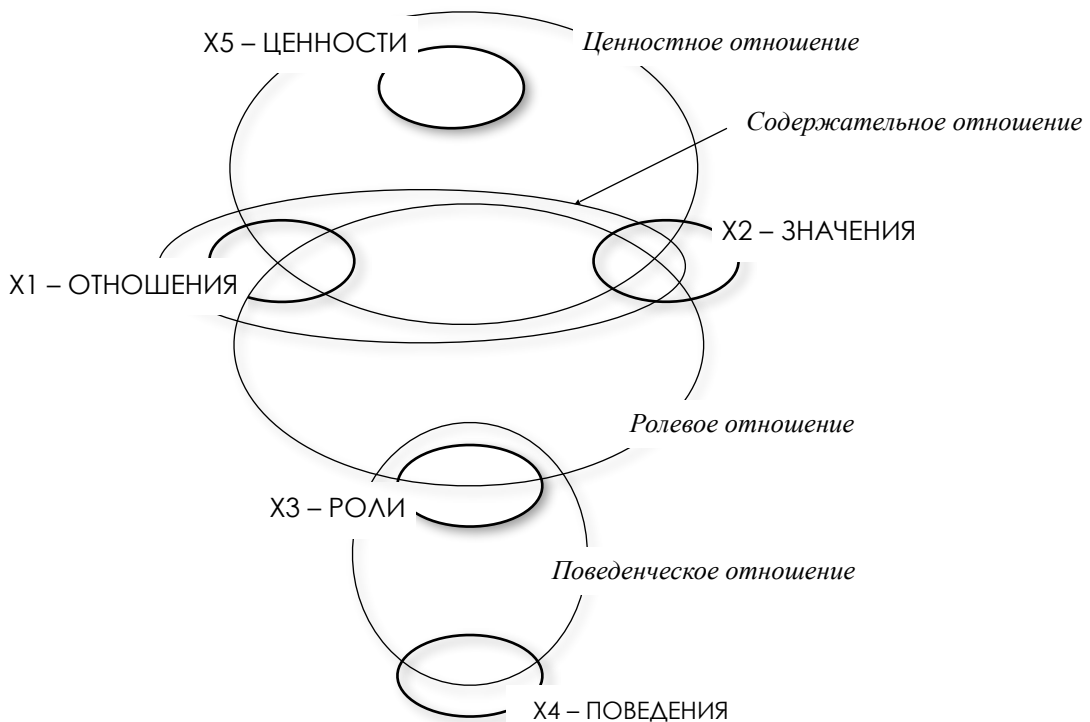
4.

Концептуальная схема основных зависимостей в культуре

С учетом принятых предпосылок концептуальная схема исследования как структура базисных понятий, на которые можно опираться при построении выводимых для последующей работы суждений, приобретает следующий вид (в атрибутивной форме) (рис. 3).

Базисные множества

- X1 – множество экзистенциальных отношений людей к реальности;
- X2 – множество значений, придаваемых людьми реальности (значений отношений к реальности);
- X3 – множество ролей, которые исполняют («играют») люди;
- X4 – множество вариантов поведения людей;
- X5 – множество ценностей людей.

Рис. 3. Концептуальная схема фундаментальных зависимостей в культуре

Родовые отношения концептуальной схемы³³

- «Содержательное» отношение: каждое отношение имеет группу значений особенного содержания.
- «Ролевое» отношение: каждая пара «отношение и его значение» определяет некоторую группу ролей.
- «Поведенческое» отношение: каждая группа ролей формирует некоторые варианты поведения людей.
- «Ценностное» отношение: каждая ценность определяет группу значений того или иного отношения.

Эта схема создает большое разнообразие ситуаций, связывающих ценности людей, присущих той или иной культуре («внутренняя культура»), и поведение людей, проявляемое в тех или иных отношениях с реальностью («внешняя культура»). Она проясняет путь исследования культур, по которому можно будет находить код КРМ и других культур. Этот путь состоит в следующем:

- Анализируя и обобщая примеры поведения людей разных культур, можно пытаться восходить к тем конкретным значениям их отношений к реальности, которые они проявляли в исторической ретроспективе и проявляют в настоящее время. Мы теперь понимаем, что эти значения обусловлены ценностями людей разных культур.
- Из ряда значений отношений к реальности и стоящих за ними ценностей можно выстраивать шкалы. Границы этих шкал будут определяться диаметрально противоположными друг другу значениями. И так по каждому отношению, которые определены выше, как экзистенциальные. Это будут полярные качества существующих культур.
- Исследуя исторически проявленное особенное, сугубое, существенное отличительное, или, как говорят, характерное, поведение людей русского мира, можно попытаться на этих шкалах определить те ценностные значения, которые были и являются причиной такого поведения.
- Совокупная позиция этих значений и будет отражать код культуры русского мира.

---

³³ Это не те отношения людей к реальности, которые определяют их культуру, а схемные отношения между базисными множествами.

5.

Шкалы полярных качеств существующих культур

Основное разнообразие ценностно-смысловых экзистенциально окрашенных значений реальности той или иной культуры, проявляемых ее носителями в отношении к ней, исходя из которых и формируется их поведение, представляется следующими шкалами.

1. Отношение к благу, к конечным ценностям существования

В этом отношении человеческие влечения обусловлены либо ценностью удовлетворения своих личных потребностей субъективного порядка, либо ценностью достижения некоего объективного, абсолютно ценного, высшего состояния человеческой души.

Примерами первого влечения в известных культурах могут быть ценности конкретных персональных достижений, выражающихся в терминах наличного бытия. Так, для датчанина это уют (норв. хюгге – благополучие); для японца – это ощущение исполненности собственного предназначения (икигай); для армянина – сохранение письменности и культуры предков (не «для того, чтобы», а «потому, что»); для ирландца – «наша земля»; для химба – здоровые коровы и дети; для американца – баксы в кармане и на счете в банке; для немца – установленный порядок во всем, что происходит (ordnung); для русского мещанина – благо как материальное благополучие. Каждому свое.

В этом ценностном стремлении, как и повсюду, есть как положительные для существования людей, человечества, так и отрицательные начала. Например, европейская мысль поклоняется не столько личности, достигшей особой степени развития, сколько всякой индивидуальности, добившейся признания и успеха, и потому всякого человека желает сделать равноправным и счастливым (К. Леонтьев)³⁴. В крайних формах этой ориентации мировоззрения и устремлений души проявляется несознаваемое притяжение к признакам внешних, публичных

---

³⁴ Бердяев Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли. – М.: АСТ; Хранитель, 2007. – 445 с.

достижений, к «блеску» прагматики, не укорененной в личностных достижениях.

В примерах другого, противоположного полюса стремлений проявляются некие объективные ценности космического, сверхчеловеческого значения, выдвигаемые в качестве идеала существования. Примерами таких объективных ценностей могут служить теоретическая научная истина, художественная красота, этика, значение религиозной веры, государственное могущество, национальное достоинство и т.п. На этом полюсе «располагаются» ценности развивающихся между людьми отношений, которыми поддерживается непрерывно творящееся бытие в отсутствие какого бы то ни было «горизонта». Это творчество, направляемое на совершенствование человеческой природы и воплощение в жизни идеальных смыслов существования. Такое значение отношения к конечным целям существования проявляется хотя бы в тех образцах поведения, в которых выбор сделан в пользу *«худого мира, который лучше доброй войны»* (Цицерон). Или в тех ситуациях, когда личное отдается в жертву общему благу, – примером могут служить героические поступки людей во время войн. Это ценность прислушивания к эху исторического, можно сказать, космологического, метафизического бытия народа, длящегося от его предков в будущее через преодоление индивидуального ради всеобщего.

2. Отношение к формам совместного бытия

На одном полюсе значений в этом отношении находится ценностное стремление к индивидуальному благу. В крайней форме это благо, выведенное за границы интересов совместного благополучия. Следствием и проявлением стоящих за этими значениями ценностей становится культ функции, при котором каждый «отрезок» любой совместной и тем более индивидуальной деятельности соотносится с конкретной задачей, конкретным результатом, конкретной пользой. При совпадении ожидаемых выгод от совместности эта установка создает временно прочные союзы. При несовпадении – войны. Пожалуй, наиболее отчетливым выражением такого значения ценности является гоббсовская концепция *«войны всех против всех»*³⁵.

В условиях современного мира этот признак культуры проявляется в повсеместных гимнах индивидуализации, звучащих громче песен о становлении и развитии личности. Эта какофония объективно объяснима, поскольку, во-первых, внутренний мир, явления самостоятельного духа открываются человеку и даже целым культурам не сразу, гораздо

---

³⁵ Гоббс Т. Левиафан. – М.: Мысль, 2001. – 478 с.

позднее, чем события внешнего мира. Ведь очевидность и необходимость истины бытия духа менее ярка, чем внешние достижения людей. Во-вторых, ценность индивидуальности как отличительного признака существа, отказывающегося отождествлять себя с любым сообществом, является логически последовательным продолжением превосходства в той самой войне всех против всех в ее мирном течении. Противоположностью человеку-индивидууму может быть человек-личность – сознающая и самосознающая духовная сила, «разумный свободный дух, способный к бесконечному развитию и совершенствованию»³⁶.

Полюсу «индивидуального блага» противостоит ценность непрерывной и нераздельной совместной деятельности, и существования, в которых растворяются персональные потребности, – ценность безусловного коллективного блага. Примеры таких культур могут быть найдены у некоторых ныне существующих народностей Африки, Средней Азии, Новой Гвинеи, у многих народностей Китая, в какой-то мере у народов Индии. Так, например, у многих народов в Африке индивидуальность, по существу, не так значима, как способность жить внутри общины. До определенного времени там отсутствовало понятие «я», которое навязали им европейские колонизаторы. У людей там почти всегда доминирует «мы».

Народность хамба. Намибия. Фото А. Теслинов

---

³⁶ Снегирев В.А. Субстанциальность человеческой души. Самосознание и личность. – СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2015. – 80 с.

В этом смысле примечателен поступок первого главы правительства Таганьики (ныне – Танзании) Джулиуса Камбараге Ньерере, который, осознав невозможность дробления культур народностей Танзании, невозможность отделения людей как работников от своих общин и – на этой почве – невозможность индустриализации страны, добровольно отказался от власти, уйдя в отставку, и стал возделывать землю как простой крестьянин. За этим и другими примерами крайнего значения ценности совместного блага стоит некий архаический тип культуры («до-осевого времени» – по К. Ясперсу), который и в наши дни дает пример удивительной живучести народов.

3. Отношение к различным планам бытия

Для многих современников это отношение может показаться странным по причине утвердившегося материалистического мировоззрения и так называемого здравого смысла, с очевидностью указывающие на то, что существует один мир, одна реальность, которую мы чувствуем, познаем, меняем и которой органично принадлежим. *«Истина бытия внешнего мира и его начала – материи, инертного, сопротивляющегося, тяжелого, делимого, движущегося и открывающегося в бесчисленных формах, постоянно меняющегося, – истина эта является уму неизбежной, необходимой, а потому очевидной и не требующей доказательства»*³⁷. В большинстве современных мировоззренческих концепций эта истина становится ценностью, не подвластной глубокой рефлексии и образующей один полюс значений исходящих от нее отношений.

На другом полюсе находятся ценности взаимодействия с другой, «второй реальностью» как с таинственным планом бытия. Они возникают в потоке непрерывно повторяющегося опыта переживаний свидетельств сознания, выходящего за пределы обыденной реальности, и их интерпретаций, окрашенных почти мистическим устремлением человеческой души к идеальным, высшим духовным причинам происходящего. Признание «второго плана бытия» есть признание единого начала как (по прекрасному определению С. Л. Франка) *«единения реальной силы бытия и идеальной правды духа»*³⁸. Лишь отчасти эта особенность мировоззрения и сформированной им ценности обусловлены религиозным воспитанием. Во многом их питают знания эзотерического характера, а также философия, ориентированная на постижение субъектной Природы реальности.

---

³⁷ Там же. – С. 22.

³⁸ Франк С.Л. Этика нигилизма // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. – 3-е изд. – М., 1903. – С. 175.

Примером первого полюса ценностей могут быть приоритеты современного европейского мировоззрения, которое, хотя и питалось духовными соками старых религиозных корней, но начиная с эпохи Реформации отходило от них и к середине прошлого века окончательно рассталось с ними. По словам Карла Ясперса, «спецификой Нового времени является со времени Шиллера разбожествление мира. На Западе этот процесс совершен с такой радикальностью, как нигде»³⁹. Проявлением этих ценностей выступает наглядный дисбаланс между служением техническому (технологическому) прогрессу, который становится борьбой за улучшение среды, и развитием культуры личности.

«Объявляя личность всецело продуктом среды, этой же самой личности предлагают и улучшать эту среду, подобно барону Мюнхгаузену, вытаскивающему себя из болота за волосы»⁴⁰.

Примерами культур другого полюса ценностей могут служить как многие народности современной Африки, Юго-Восточной Азии, Океании, укрепленные в традициях архаического мировоззрения и культа, так и развитые страны, удерживающие в себе представления о разных мирах, разных планах существующей действительности, – Ирландия, Индия, Непал, Бутан, Россия, страны арабского мира. Разумеется, основания, по которым в этих культурах признают реальность «второго плана», разные, но следствия этой культурной особенности почти одинаковые: в них продолжается диалог между мирами, влияющий на выбор поведения их носителей в тех или иных жизненных ситуациях. Ведь «всякая вера, каково бы ни было ее содержание, создает соответствующую себе мораль, т.е. возлагает на верующего известные обязанности и определяет, что в его жизни, деятельности, интересах и побуждениях должно почитаться добром и что – злом»⁴¹.

4. Отношение к опорам доверия

Доверие как механизм и феномен «второй природы» выступает неким эвристическим правилом принятия решений и выбора поведения в непредвиденных обстоятельствах, которые могут придать существованию людей разные возможности, создать разные сценарии развертки жизненных событий. Поэтому выбор опор доверия, выбор оснований, опираясь на которые люди могут действовать с уверенностью в ожидаемых ими обстоятельствах, имеет экзистенциальное значение.

---

³⁹ Ясперс К. Духовная ситуация времени // Смысл и назначение истории. – М.: Политиздат, 1991. – С. 288–418.

⁴⁰ Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество (из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции) // Православие в культуре России. – М.: Издательский сервис, 2004. – 224 с.

⁴¹ Франк С.Л. Этика нигилизма.

Природа эволюционно заложила в человека два фундаментальных способа овладения реальностью: первоначально эмпатию как способность различать реальность органами чувств, а затем и рефлексивность как способность задействовать для этого сознание. Пожалуй, есть еще третий способ – озарение (от греч. *epiphaneia* – богоявление), который «открылся» Иосифу Бродскому в Норенской (*Приходит время сожалений / При полумраке фонарей, / При полумраке озарений / Не узнавать учителей*)⁴². Однако это редкое явление, которое можно рассматривать как внезапный синтез первых двух и пока не принимать во внимание.

То есть можно полагать, что те или иные культуры обрели значения возможностей двух оснований доверия: опоры на рациональное постижение реальности и опоры на чувства, на «ощущения», на образы. Различными средствами в одних культурах сформирован культ рациональных решений, в других – культ образов. Между этими полюсами находится все разнообразие ценностей опор доверия, формирующих полифонию вариантов поведения людей в размытых, неопределенных ситуациях.

5. Отношение к религии

Оценка разнообразия значений этого отношения в современном срезе культурного потока усложнена неравномерной, растянутой динамикой темпов развития религии в разных странах и на разных континентах при сохранении устойчивости самого религиозного сознания. Для сужения границ анализа этих значений и условного упорядочивания стоит воспользоваться концепцией «осевого времени» Карла Ясперса⁴³, поскольку она предлагает мышлению удобную схему с ориентацией на анализ истории формирования религиозного мировоззрения евразийских цивилизаций.

Согласно этой идее, первоначальный в истории человечества и поныне сохранившийся архаический тип мышления и соответствующий ему тип культуры (совокупности локальных культур «доосевого времени») сформировали отношение к религии как к способу поддержания порядка в близком мироустройстве на основе мифоритуального мышления и деятельности. Как известно, культура возникает там, где появляется правило⁴⁴. В архаических культурах это правило создается и поддерживается специфической работой мифов и ритуалов, в глубинной

---

⁴² Лосев Л. Иосиф Бродский: Опыт литературной биографии. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 479 с. – (Жизнь замечательных людей).

⁴³ Ясперс К. Смысл и назначение истории: пер. с нем. – М.: Политиздат, 1991. – 527 с.

⁴⁴ Леви-Стросс К. Структурная антропология. – М.: Наука, 1985. – 535 с.

основе которых находится страх хаоса, и по отношению к этому страху они становятся формулой его преодоления⁴⁵.

С появлением основных религий возникло и существенно усилилось значение самого трансцендентного мира, который внес в мышление категории добра и зла, духовного расцвета человека в ходе разрешения нравственных и этических противоречий, идею необходимого служения высшим идеалам существования (традиционные религии «осевого времени»). Этот тип мировоззрения сформировал отношение к религии как способу подъема, перехода к «правильной жизни» на основе соблюдения новых правил и организации жизненного уклада, на основе идеи «должного».

К XVI веку эта идея исчерпала свой развивающий ресурс. Разрушение идеи «должного» началось с бунта английского короля Генриха VIII против власти Ватикана и продолжалось в ходе Реформации в самой Англии и дальше – в северных европейских странах в виде протестантизма и его разновидностей. Эпоха «послеосевого времени» способствовала, как писал К. Ясперс, «расколдовыванию мира», формированию ценностей индивидуального успеха, построенного на рациональных основаниях, соперничеству капиталов, статусов, признанию прав личности, ее свободы и независимости от общества и государства. В одних культурах это привело к развитию экономики, успокоившей своими достижениями голос запредельной тайны бытия, понизившей напряжение мечты о *«Граде Божьем, о грядущем царстве правды»* (по С. Булгакову), но не к ослаблению религиозного магнетизма в других культурах. В этой области бытия, как и всюду, при виде безобразия становится ясно, что такое прекрасное, – боль от возникшей дисгармонии жизни и стремление к ее преодолению стали импульсами к обоснованию новых значений религии. В большей мере это движение коснулось православия, в сакральной философии которого религиозное умонастроение оказалось поднятым к сознанию космического, сверхчеловеческого значения высших ценностей. Однако утверждение этого умонастроения происходило и происходит в условиях стремительного усиления значений рациональных аспектов бытия и борьбы за души людей в интересах производства капитала.

Эта картина исторической динамики развития религиозного сознания приводит к пониманию двух ценностных полюсов отношения к религии, сформированных в культурах. Один из них – это ценности религии как способа обретения счастья в земной жизни. Другой – это ценность входа в бесконечную сферу Духа.

---

⁴⁵ Пелипенко А.А. «Русская система» в культурном измерении // Куда ведет кризис культуры? Опыт междисциплинарных диалогов / Под общ. ред. И.М. Клямкина. – М., 2011. – С. 57–69.

6. Отношение к личному счастью

Во многом особенность этого отношения обусловлена глубиной и содержанием религиозного мировоззрения, представлениями о конечных ценностях существования. Однако ради поиска специфических различий между разными смысловыми представлениями о личном счастье стоит искусственно вычеркнуть из анализа влияние упомянутых факторов. Тогда в предметной области этого поиска останутся следы влияния на культуру социального уклада жизни разных обществ и сугубо культурологических компонентов, передаваемых в тех или иных обществах от одних поколений к другим в непрерывном историческом потоке.

Все разнообразие культур, которое при этом открывается исследователю, демонстрирует континуум ценностных значений личного счастья от безусловного удовлетворения актуальных, хотя и развивающихся потребностей (полюс А) до духовного наслаждения через преодоление и сопровождающего его страдания (полюс не-А).

Первый феномен достаточно отчетливо обоснован в социологии, хотя и без понимания культурологической природы так называемого закона роста потребностей. В социологической трактовке (например, в трактовке А. Маслоу) этот закон устанавливает связь между развитием производства, при котором появление новых продуктов подпитывает человеческие «аппетиты», и расширением разнообразия потребностей людей. Якобы по мере удовлетворения одних потребностей возникают другие, всё более и более высокие в направлении к саморазвитию. Эта смысловая линия вполне оправдывает базовый семичастный пакет потребностей А. Маслоу⁴⁶, но не выводит за его пределы.

С позиции смыслогенетической культурологии изменение потребностей есть следствие усложнения задач «прочтения» реальности, меняющейся «произведением произведений»⁴⁷. Доведение этой линии смыслов до крайности приводит к объяснению такого «непотребительского» феномена культуры, как духовная необходимость «радости через преодоление», возможно, более сложного для понимания основания счастья.

Между этими двумя полюсами теперь следует «разместить» все другие значения личного счастья, питающие существующие культуры.

---

⁴⁶ Маслоу А.Х. Теория мотивации человека // *Psychological Review*. – 1950. – С. 370–396.

⁴⁷ Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М.: Худож. лит., 1975. – 504 с.

7. Отношение к идеалам

Отношение к идеалам создает дистанцию между культурами уже хотя бы потому, что этим отношением определяется, с какой реальностью культура связывается в первую очередь. В этой дилемме полярности очевидны: в том или ином обществе в первую очередь вынашиваются либо личные идеалы, либо общественные. Поскольку образы личных идеалов сливаются с образом личного счастья, который уже обсуждался, то новые различия культур могут быть связаны с ценностными значениями общественных идеалов.

По мнению С.П. Никанорова, «со времен великих утопистов и социалистов-утопистов никто не выдвинул значимого общественного идеала. Материальное благосостояние как цель коммунизма не может быть принято в качестве идеала. Оно отражает устремления обездоленных низов, является конкретно-историческим. Буржуазная свобода поступков, во всяком случае в ее теперешних проявлениях, также не может быть идеалом. Аскетический идеал служения Господу может увлечь единицы. Что случилось с идеалами? Почему это происходит? Более того, у рядовых граждан, наверное, во всем мире, идущее развитие вызывает все большую тревогу»⁴⁸.

Один из ответов на этот вопрос состоит в том, что у человечества еще нет оснований для вскрытия полноты отношений, из которых мог бы выстраиваться действительный идеал существования, отчего и мыслить не о чем. Анализ ряда известных идеалов (которые все-таки были начиная со времен Платона и сохраняются до наших дней) приводит к пониманию того, что все они представляют собой аспектные или, точнее сказать, частичные представления об обществе и развитии общества. За ними редко стоит мысль о целом. Второй момент: синтез, который необходим для создания идеалов как целостностей, всегда был и остается существенно сложнее анализа. По этой причине общественные идеалы представляются чаще всего либо в виде россыпи малосвязанных признаков форм жизнедеятельности, либо в виде чрезвычайно обобщенных абстракций типа «свобода, равенство, братство».

Но представления, о которых мы говорим, выступают лишь одной из сил, влияющих на содержание локальных культур. Вторая сила – это конкретные условия жизни их носителей. И третья сила образуется теми способами, которыми представления об идеалах утверждаются в ментальном поле общества. Если первая группа сил действует через рассудок, вторая – через реальные механизмы жизнедеятельности, то

---

⁴⁸ Никаноров С.П. Эпоха идеалов закончилась так же быстро, как и началась // Никаноров С.П. Задумки на будущее. – М., 2012. – С. 11. – URL: <https://master-concept.ru/wp-content/uploads/nikanorov-s.p.-zadumki-na-budushhee.pdf> (дата обращения: 17.08.2022).

третья – через чувственные образы и другие не менее сильные средства воздействия на общественное мнение.

Обобщая результаты действия всех этих обстоятельств, можно утверждать, что один полюс ценностных значений общественных идеалов образуют приоритеты конкретных выгод, которые люди, находящиеся в той или иной культуре, жаждут приобрести в обозримом будущем, а другой полюс – приоритеты мирового согласия отношений для бесконечного человеческого бытия. Анализ известных общественных идеалов подтверждает эту мысль⁴⁹.

К первому полюсу притягиваются культуры с социально-экономическими ценностными доминантами, ко второму – можно сказать, с космическими, согласно которым

«ценить цивилизацию и судить о ней стоит не по силе достигнутого ею могущества, но по тому, насколько ее законы и учреждения помогли эволюции и служат выражением любви к человечеству»⁵⁰.

Исторические корни названных культурных доминант могут быть разными, и вряд ли эти доминанты обусловлены линейной динамикой развития формирующей их ментальности. Но дистанция между ними со временем приобретает катастрофический характер.

8. Отношение к справедливости

Справедливость в самом общем смысле – это совокупность оснований некоего «правильного» распределения благ и зол. Отношение к справедливости, выбор тех или иных ее оснований, по своей сути, определяет устойчивость динамики развития всех других отношений между людьми. В этом значении справедливость выступает одной из категорий этики – наиболее сложной в понимании, принятии и исполнении реальности «второй природы».

В упрощенных версиях справедливость сводится к распределению ограниченного жизненного ресурса, стало быть, возможностей людей и обществ. В идеальных вариантах упрощенных версий справедливым представляется равенство возможностей. Однако здесь разумным представляется сомнение Ф. Хайека в ценности такой справедливости. По его мнению, подобное отношение лишает смысла возможность эволюции, *«поскольку любые изменения приводят к выигрышу одних и проигрышу других»*.

---

⁴⁹ Теслинов А.Г. *О порождении идеалов развития общества* // Идеи и идеалы. – 2022. – Том 14, № 3, ч. 1. – С. 175–194.

⁵⁰ Тагор Р. Садхана (Творчество жизни). – Самара: Ра, 1993. – 80 с.

Требование (такой) справедливости равнозначно прекращению развития»⁵¹.

В более реалистичных вариантах справедливости в ее основание кладутся социальные роли, складывающиеся в сообществах, исходя из которых «объективно» оцениваются заслуги и распределяются возможности между людьми. При этом возникают особенные «статусные распределения» (элите общества – одно, среднему классу – другое, нищим – третье и т.д.). Однако в таких версиях справедливости исчезает она сама, исчезает некая идеальная «правильность» отношений.

Во многих сообществах эта проблема решается установлением норм, законов, формальных правил, к которым приводятся, принуждаются люди, независимо от содержания «последних оснований» справедливости. Этот уклад жизни закрепляется в ментальном поле людей разными культурными средствами и формирует конкретный, определенно очерченный тип культуры. В таких культурах базовое значение приобретает ценность формального закона. Их существенной отличительной чертой является признание, что никакой абсолютной правды нет, а есть лишь договоренности. Эти культуры представляют собой один из полюсов шкалы ценностно-смысловых значений отношения к справедливости.

На другом полюсе находятся культуры, сформированные вокруг и на основе ценности справедливой правды, сложность постижения которой никогда не останавливает ее поиск. А сам этот поиск становится поиском Истины, которая безусловна и находится внутри самого человека, а не снаружи. В таких культурах справедливость отождествлена с некоей абсолютной Истиной, для которой никакие формальные правила не имеют значения. Эта ценность оправдывается тем, что

«осуществляя нашу истинную природу, мы достигаем свободы»⁵².

9. Отношение к историческому предназначению

Происхождение этого отношения следует связать с событиями, произошедшими при переходе эволюции живого от «первой природы» ко «второй» в тот момент, когда она «осознала саму себя» (Т. де Шарден, Д. Хаксли). Окончательное разделение функций полушарий головного мозга человека и обусловленная этим событием вспышка способности сознавать себя и окружение сыграли роль детонатора взрывного смыслополагания живой природы. С этого момента природа стала двигаться в неизвестное будущее не только и не

---

⁵¹ Хайек А.Ф. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. – М.: Новости; Catalaxy, 1992. – 304 с.

⁵² Тагор Р. Садхана (Творчество жизни).

столько «механикой» инстинктов, сколько вслед за ответами на вопрос «зачем?».

Это удвоение количества функций (продолжать биологическое существование и одновременно творить его ход в культуре) создало новый ряд противоречий, которые теперь интенсивно толкают нас к развитию «по-другому», в смысле «не по Дарвину». В облике человечества природа приобрела новый способ продолжения самой себя, противостоящий животноподобному «удовлетворению потребностей» и дополняющий его. Этот «культурный» способ, основанный на способности людей к рефлексии, воле и творчеству, настолько же мощно прогрессивный, насколько и угрожающе опасный, может свернуть эволюцию к затуханию животворных сил⁵³. Исход существования человека и человечества в целом теперь зависит от того, как он и оно отвечают на экзистенциальный вопрос – «зачем?». В обыденности этот вопрос служит различителем в простых жизненных ситуациях для принятия решений о том или ином поведении. Этот же вопрос, задаваемый по отношению к себе, своему жизненному пути, определяет предназначение вопрошателя. Ответ на этот вопрос, задаваемый обществом по отношению к себе, становится историческим предназначением общества.

Если исследовать зрелые общества, которые сумели подняться до постановки вопроса о своем историческом предназначении, то в существующем культурно-историческом срезе можно увидеть разнообразие ответов на него, ограниченное двумя полюсами.

На одном из них это предназначение видится и реализуется в том, чтобы владеть миром, творчески используя все его возможности для удовлетворения собственного благополучия. Власть – это свойство властителя навязывать необходимый ему тип поведения властанта (С. Никаноров). Условием существования властных отношений является наличие неких ограничений жизнедеятельности людей – в отсутствие таких ограничений власть неосуществима. А поскольку в обществе не существует неограниченных элементов, аспектов, частей, то необходимое условие существования властных отношений тем самым тотально обеспечено. В культурно-историческом потоке такое (властное) предназначение овладевало многими народами, вся духовная мощь которых направлялась на покорение других народов. Это ценностно-смысловое значение побуждало к набегам одних племен на территорию других, вдохновляло полчища чингизидов, европейских колонизаторов,

---

⁵³ *Теслинов А.Г. Образование взрослых как средство культурогенеза // Качество дистанционного образования. Новые технологии управления бизнесом: Концепции, проблемы, решения: материалы XVIII Междунар. науч.-практ. конф., 14 декабря 2016 г. – Жуковский: МИМ ЛИНК, 2017. – С. 73–75.*

османских владык, наполеоновских завоевателей, фашистских покорителей мира и им подобных носителей этого мировоззрения, не сумевших в своей философии подняться над животными инстинктами. В настоящее время эту ценностную установку демонстрирует миру англосаксонская «цивилизация», изобретательно использующая самые прогрессивные средства для властвования над миром.

На другом полюсе историческое предназначение человечества имеет ценностное значение создателей земного рая – некоего «высшего места», в котором царят мир, процветание и счастье. В зависимости от складывающихся в обществах доминантных представлений о рае он в разных культурах приобретал облик земли изобилия, небесных уровней существования, цветущего сада, мира наслаждений, роскоши, добродетели. Этим значением наполнялись и ныне наполняются сердца и мысли создателей различных утопий⁵⁴. В реалистичной форме это проявляется в том, что тот или иной человек, та или иная культура определяют свое историческое предназначение как изменение мира к лучшему. В современных формах жизнедеятельности деловых сообществ эта благая идея приобрела статус «миссии организации». Однако в подавляющем большинстве случаев миссия формируется упрощенно – как привлекательная для клиентов публичная метафора деятельности.

Между этими полюсами следует искать те значения, которые находятся в сакральных «кладовых» обществ, движимых сознанием своего особенного исторического предназначения.

10. Отношение к другим культурам

Отношение одних культур к другим существенно зависит от степени их зрелости, которая подчиняется определенным закономерностям их воспроизводства.

Так, культуры либо «бегут» от развития, консервируя духовные силы природной синкретичности сознания их носителей, либо позволяют себе разворачиваться в поиске новых, глубоких синтезов, синтетического космического единства. В этой разнонаправленной динамике возникают, на время закрепляются и трансформируются особенные зоны ментальной восприимчивости культурами своих собственных состояний и других культур. Обобщенно такими зонами являются следующие⁵⁵:

- зона бессознательных состояний;

---

⁵⁴ *Теслинов А.Г.* О порождении идеалов развития общества.

⁵⁵ *Пелипенко А.А., Яковенко И.Г.* Культура как система. – М., 1998. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 376 с.

- зона осознанных состояний, которые никогда не бывают объективными, поскольку так или иначе преломляются через преобладающие формы общественного сознания (религиозные, научные, обыденные и пр.);
- зона рутинизированных до бессознательности, профанизированных (рационализированных) блоков культуры, прошедших сквозь фронт рефлексии и оставшихся за его пределами.

С точки зрения смыслогенетической концепции культуры ее переходы из одной зоны в другую проявляют характерные особенности разных уровней ее состояний в движении от общих форм к специфическим, локализованным (рис. 4)

Рис. 4. Схема эволюционных состояний культур

Для нашего исследования было бы особенно интересно различить ценностные базисы культур, поднявшихся к самосознанию своих оснований. Однако современное мироустройство демонстрирует полное разнообразие культур с разными состояниями развития, которые могут находиться на близких территориях, то есть во взаимодействии друг с другом. Придется учитывать полное их разнообразие.

И теперь один полюс этого разнообразия представляют культуры, в которых доминирующим значением отношения друг к другу является заимствование компонентов, с которыми они «соприкасаются», подражание, включенность в привлекательные тренды. На другом полюсе можно выделить культуры, для которых высшую ценность имеет самобытие. Причем этот их ценностно-смысловой базис может питаться как напряженным исследованием своей прочности и живучести, так и бессознательной, нерефлексируемой, укорененной разными культурными средствами уверенностью в своей исключительности.

Культуры первого полюса рано или поздно стирают черты своей идентичности, а вместе с этим и отказываются от потенциала живучести самобытных сил. Культуры второго полюса либо обособляются, либо укрепляют свои живительные силы в непрерывном культурном диалоге внутри самих себя и с другими культурами. Между этими полюсами следует искать и различать разные особенные культуры.

11. Отношение к исходу противостояния

Известно, что существуют лишь три варианта разрешения любого конфликта: победа/поражение; победа/победа; поражение/поражение. В отношении противостояния культур эти варианты повторяются, хотя и приобретают особенные черты. Отношение к исходу противостояния определяет стратегические цели и вообще целеполагание людей в конфликтных, предконфликтных и послеконфликтных культурных диалогах и потому вдолгую влияет на экзистенцию, на идеальные формы существования культур.

Есть культуры, базовой ценностью которых является подавление всякой инаковости. Достаточно посмотреть на политическую карту Африки 1913 года, чтобы стало понятно, что такой ценностью определялось движение европейских культур сто лет назад. В Ирландии в некоторых пабах до сих пор сохраняются свидетельства английских ценностей - таблички с надписями «Вход собакам и ирландцам запрещен». В английских фортах Ганы вблизи Акры еще сохраняются в музейной истории подземные бараки, в которых набитые как селедка в бочках рабы ждали отправки в Америку, пройдя через «Ворота невозвращения».

Ворота невозвращения. Форт Кейп Кост. Гана. Фото А. Теслинов

Эти же ценности выращиваются в наши дни в культурах элит США, Англии, Турции, Ватикана и некоторых других странах по отношению к населению планеты.

На другом полюсе значений исхода противостояний, всегда сопровождающих любой исторический процесс в его диалектической развертке, следует расположить ценность победы как долгосрочного союза между суверенными культурами. Между этими полюсами находят свои позиции все существующие на земле культуры.

12. Отношение к предельным состояниям духа

Этим отношением определяются реакции культуры, а следовательно, сложившиеся ментальные установки ее носителей, на состояние высшего напряжения смыслового поля. Такое напряжение возникает в ситуациях, противоречащих духу народа, угнетающих его и побуждающих к их изменению.

В разнообразии ценностной палитры культур в отношении к таким состояниям духа наблюдаются две полярные позиции. С одной стороны – терпение, приспособительное молчание, символизирующее надежду «пережить времена». С другой стороны – сопротивление, принимающее различные, порой ожесточенные формы – активной борьбы, затаенной мести, непослушания. Вся палитра оттенков этой дихотомии есть разнообразие способов сохранения живучести культур. Каждый из них, сросшийся с конкретной культурой, придает ей необыкновенное своеобразие.

13. Отношение к Родине

Понятие родины плохо поддается определению, и неслучайно, наверное, попытки создать дефиниции для существительных «Родина», «Отечество», «Отчизна», «родина», «отечество» и «отчизна» не имеют успеха. «Патриотизм у человека науки будет иной, чем у крестьянина, у священника, у художника»⁵⁶.

Родина – это то, что остается от страны за вычетом географии, демографии и политического устройства. По утверждению Алексея Хомякова, *«отечество находится не в географии. Это не та земля, на которой мы живем и родились, и которая в ландкартах обводится зеленой или желтой краской. Отечество также не условная вещь. Это не та земля, к которой я приписан, даже не та, которую я пользуюсь, и*

---

⁵⁶ Касьянова К. О русском национальном характере. – М.: Академический проект, 2003. – 560 с.

которая давала мне с детства такие-то или такие-то права и такие-то или такие-то привилегии»⁵⁷.

И все же во многих смысловых системах одним из полюсов ценностного отношения к Родине является место комфортного проживания. Это значение, скорее всего, есть след националистического мировоззрения, в котором на первом месте стоят признаки принадлежности к чему-то своему, национальному, местному. Другим полюсом можно признать ценностно-смысловое значение Родины как близкой сердцу «духовной реальности». Причем это значение может быть связано с местом рождения и проживания, но может быть и не связано с ним. Такое отношение к Родине является следствием уже другого мировоззрения – мировоззрения патриотического типа. В его основании находится любовь к тому культурному пространству событий, в котором укоренилась личность человека.

Очевидно, конкретное значение отношения к Родине определяет поведение его носителей в ситуациях выбора условий и места проживания. Но в критические для Родины периоды оно целиком определяет исход существования ее самой и отождествляющего себя с нею народа.

14. Отношение к семье

Экзистенциальное значение отношения к семье определяется тем, что любой человек, как любой представитель какого-либо общества, с момента рождения и до конца своих дней принадлежит к какой-то семье, независимо от того, имеет ли она формальный статус, – для культуры важнее другое.

Семья – это «место», в котором происходит становление человека в человеке. Только семьи бывают разными. Традиционные семьи – это мать, отец, их дети, старшие родственники. В современных архаических племенах семья – это племя, в котором порой отцы не определимы. В детских приютах семья – это воспитатели и все другие дети – воспитанники. Ценностные различия отношения к семье проходят по линии той роли, которую семья выполняет.

С учетом современных культурных реалий диапазон этих ролей и связанных с ними ценностей лежит между семьей как партнерским союзом и семьей как первичным атомом культуры для всех ее членов, и в первую очередь для детей.

---

⁵⁷ Цит. по: *Воркачев С.Г.* Что есть Родина?: Идея патриотизма в русской лингвокультуре // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2017. – № 2. – С. 73–79.

В первом крайнем варианте семьи смыслом ее существования является исполнение функций по удовлетворению неких базовых потребностей «партнеров». При этом все семейное и даже дети становятся инструментами этой функциональной системы. На другом полюсе семейное смыслообразование исходит из природной необходимости мужчины и женщины, скрепленных небесной силой любви, исполнять роль своего рода механизма вочеловечивания рождающихся у них детей, спасая их от скотского существования.

Все существующие значения отношения к той или иной семье лежат между этими полюсами.

15. Отношение к порядку

Э то отношение, которое формируется в результате обобщения опыта всех предшествовавших эпох истории становления конкретной культуры. По существу, порядок есть совокупность постоянных отношений в обществе, которые позволяют людям выстраивать свою жизнедеятельность и защищают их от хаоса. Порядок есть целесообразное единство, то есть такое сочетание постоянных отношений, которое создается для достижения каких-то определенных целей. С этой точки зрения установление того или иного порядка является одной из целей любой культуры для облегчения ее носителям выбора поведения в разнообразии жизненных ситуаций в движении общества к каким-то целям.

Выходит, разнообразие отношений того или иного общества к порядку определяется неявными или сознаваемыми целями этого общества. В свою очередь, цели общества могут быть восстановлены через преобладающее в нем отношение к порядку. Поскольку ценности – это своеобразные инстинкты культуры, сформированные в длении ее потока, то ценность того или иного отношения к порядку возникает как следствие действующих в ней символических средств – языка, ритуалов, мифов, артефактов и др.; форм деятельности; «культурных» игр, которые разыгрываются и приживаются в обществе и пр.

Исследование разнородных культур позволяет утверждать, что на одном полюсе значений этого отношения расположена высочайшая ценность порядка. В таких культурах неявным и непреложным правилом при выборе жизнеустройства, поведения в любой форме сотрудничества является порядок, который «превыше всего». Эта ценность сформирована в странах современной Европы и европеизированных странах Юго-Восточной, Центральной и Передней Азии, в ряде исламских государств. Для примера, непреложное правило для немцев звучит так: «Между людьми должна быть законность»; для англичан –

«этикет прежде всего»; для евреев – «не нарушай Тору»; для арабов – «живи как пророк Мухаммед». В культурах Латинской Америки ценность порядка более размыта, не имеет «немецкой» строгости, смещена в область игривой импровизации, но тоже велика. С необычным представлением о порядке можно встретиться в традиционных культурах стран Юго-Восточной Азии.

На другом полюсе ценностных значений порядка находятся культуры, для которых порядок лишь организованная маленькая часть хаоса, а сам хаос – самоценная реальность. Это не означает, что в таких культурах нет никаких правил и никаким отношениям не предустановлен порядок. Но это означает, что сам порядок вторичен, а наибольшую ценность имеет свободное движение души, выбирающей для себя способ реализации своих внутренних мотивов. Примеры таких культур можно найти, наверное, на всех континентах. Так, например, в негритянском мире всегда есть элемент хаоса. *«Видимо, со времен рабства в нас сидит непослушание. Не желаем слушаться. И если кто-то тебе говорит: "Давай, делай так!" – ты мысленно отвечаешь: "А вот не буду, потому что ты велишь. Даже если он прав – плевать! Ну и что, что он прав, – не буду и все!" Но все-таки почему "не буду"? А ведь еще Достоевский говорил: "Не буду, чтобы все знали: я существую и все сделаю наоборот!"»⁵⁸.*

В диапазоне этих естественных, природообусловленных ценностей существуют и уродливые случаи, когда в упорядоченных обществах пытаются возвести в порядок безумие. В культурах, как и всюду, есть здоровые течения и больные. Девиантные случаи не интересны.

16. Отношение к труду

Сам по себе труд, любая деятельность есть форма отношения людей к определенным процессам, совершаемым с помощью уместных средств для достижения конкретных целей⁵⁹. Исследуя отношение разных культур к труду, мы имеем дело с отношением к отношению. Этот непростой концептуальный «пирог» отношений «съедается» в том случае, если при этом мы имеем в виду смысл, значение, которые придают люди тем отношениям, в которые они вступают друг с другом, с процессами, с целями и инструментами.

Без особенных доказательств можно утверждать, что разнообразие этих значений в существующих и ушедших культурах ограничено, с одной

---

⁵⁸ Стэнли Крауч – американский писатель, поэт, джазовый и культурный критик. Эту мысль С. Крауч высказывает в документальном фильме Кена Бернса «Джаз» (2001).

⁵⁹ Теслинов А.Г. Организационное саморазвитие. Взрывной подъем качества деятельности. – СПб.: Питер, 2022. – 224 с.

стороны, ценностью запланированного результата, достигнутой целью, а с другой стороны – ценностью самого процесса создания и участия в «деятельностных» отношениях. Для культур первого полюса труд – это деятельность с конкретной целью. Если цели деятельности неясны, то для людей этих культур она неинтересна, невозможна, поскольку не имеет смысла. Для людей с культурным кодом другого полюса конкретные цели вторичны, а ценностью является нечто другое, что позволяет заниматься чем угодно.

На почве этих различий между культурами с разными кодами возникают сложные отношения, влияющие на состояния и исходы их совместного существования.

17. Отношение к языку

Известно, что «бытие осуществляется в языке»⁶⁰. По мнению М. Хайдеггера, язык открывает то пространство, внутри которого человек соответствует и способен соответствовать бытию, его требованиям, его призыву. Это изначальное соответствие и есть мысль. Речь позволяет понимать и высказывать законы мира, позволяет говорить о нем и о глубинах его понимания, а не просто издавать членораздельные звуки. В этом смысле язык является для человека средством существования, заключающегося в особенном способе раскрытия мира и себя самого в нем. Язык позволяет ощутить и выразить (самому ли, другим ли) существо бытия как вызов нашей мысли, чтобы мы, думая, говоря о нем, испытали его опыт. Отношение к языку, преобладающее в той или иной культуре, определяет ее способность к различению тонких сил, влияющих на ход и результат ее существования.

В разнообразии культур можно найти дуальную оппозицию значений языка, который формирует эти культуры. На одном ее краю находится значение языка как средства коммуникации. Это сугубо прагматичная функция распространяет свое влияние в современном информационном технологизированном мире и закрепляется в локальных культурах. В какой-то степени это знак ослабления «бытийной» функции языка при усилении его коммуникационной прагматики. Однако «язык нуждается в поэтах для того, чтобы оставаться живым языком. На это указывает даже сама этимология слова “поэзия” – от греческого *poiesis*, “делание”, то есть делание, создание языковыми средствами того, чего прежде не было» (И. Бродский)⁶¹.

---

⁶⁰ Хайдеггер М. *Время и бытие*. – М.: Республика, 1993. – 447 с.

⁶¹ Цит. по: Лосев Л. *Иосиф Бродский: Опыт литературной биографии*. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 479 с. – (Жизнь замечательных людей).

На этом ценностном краю язык становится средством постижения и обогащения бытия. Эта ценность выращена зрелыми культурами, для которых трансцендентный мир является действительной (действующей) реальностью. Культуры, обладающие этой ценностью, берегут свои языки, трепетно ограждая их от размывания достоинств, а самих себя – от исчезновения.

Э то разнообразие, эти шкалы полярных качеств культур далее используются как матрица для определения кода КРМ. В этих представлениях он определяется как «место» культуры русского мира на представленных шкалах.

6.

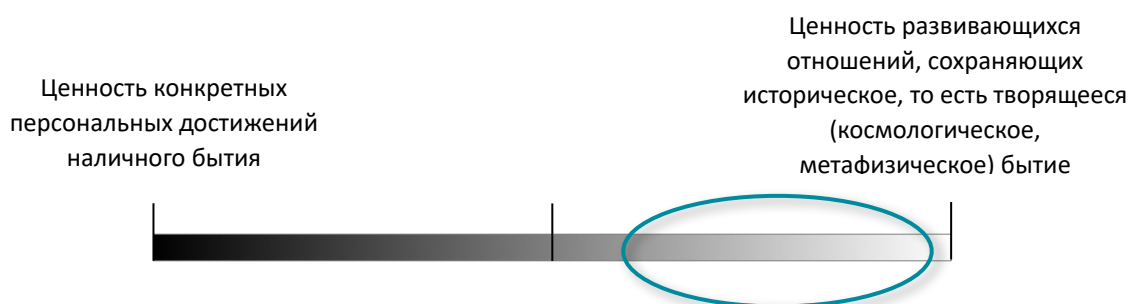
Код культуры русского мира

«Велико незнание России посреди России». Н. Гоголь

Код культуры русского мира выражен профилем на шкалах ценностных значений, исторически выращенных и сохраненных народами этого мира в тех отношениях с реальностью, которые определяют саму возможность их человеческого существования. Для наглядности фигуры этого профиля отражены на рисунках. Выделены области шкал полярных качеств и приведены короткие комментарии к ним.

1. В отношении к конечным ценностям существования, к благу

В КРМ, исторически развиваясь, закрепляется ценность сохранения тех отношений между людьми и к миру, которые создают возможности длительного, бесконечного совместного существования на освоенных территориях для постижения высших возможностей своей природы.

Это стремление подчинено глубинному настроению на сближение человеческой жизни со сверхчеловеческим и абсолютным началом, в котором только и можно «найти для нее вечную и универсальную опору»⁶².

Этим укоренившимся в нашей культуре стремлением окрашена так называемая на Западе «русская колонизация», позволившая нашим предкам объединить в одно сообщество народы шестой части суши планеты, не уничтожая никакие инаковые культуры. Эта особенность КРМ

⁶² Франк С. Этика нигилизма.

проявляется и в характерном для людей русского мира пренебрежении качеством персонального материального быта в пользу сохранения сложившихся отношений, в отсутствии попыток насильственной «культурной» интервенции в чужие миры, в сохранении (до поры) дистанции между инаковыми жизненными укладами. Этот признак КРМ выделяет русскую философию и художественную литературу среди всех других по ее вечному поиску «последних оснований» человеческих поступков.

Это есть ценность высшей (последней, внутренней) природы человека как подлинных достижений его души, как магнетизм намерений выхода «на другой берег», на котором возвышается сверхличная ценность.

«...Ко всечеловечески-братскому единению сердце русское, может быть, изо всех народов наиболее предназначено, вижу следы сего в нашей истории, в наших даровитых людях, в художественном гении Пушкина» (Ф. Достоевский)⁶³.

«Достижение высших целей, целей сверхличных и сверхчеловеческих, оправдывает жертвы и страдания истории. И Ницше не был аморалистом, когда проповедовал мораль любви к дальнему в противоположность морали любви к ближнему. Это — иная мораль» (К. Леонтьев)⁶⁴.

«В нашей жизни, в самом деле, есть что-то безумное, но нет ничего пошлого, ничего косного, ничего мещанского. Мещанство — окончательная форма западной цивилизации» (А. Герцен)⁶⁵.

Отрицательным эффектом такого значения отношения к конечным смыслам существования является пренебрежение к персональным, индивидуальным достижениям соотечественников в культуре. В разнообразии форм этого пренебрежения, очень похожего на зависть, можно найти спрятанные в глубинах сознания признаки осуждения за отказ служить большему.

2. В отношении к формам совместного бытия

В КРМ сложилась культура со значением, сдвинутым между полюсами «индивидуальность – коллективность» в сторону коллективности, но лишь к той ее форме, при которой возникает возможность прийти к радости совместного исхода творческого союза свобод.

---

⁶³ Достоевский Ф.М. Пушкинская речь.

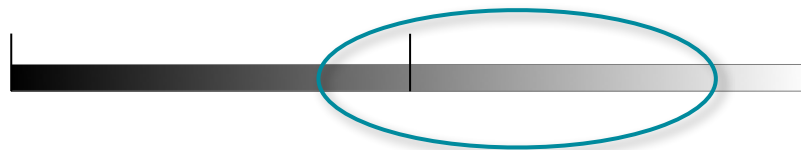
⁶⁴ Цит. по: Бердяев Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли. – М.: АСТ; Хранитель, 2007. – 445 с.

⁶⁵ Цит. по: Мамлеев Ю.В. Россия вечная.

Ценность индивидуального
блага

Ценность безусловного
коллективного блага

Возможно, пренебрежение индивидуальным во благо коллективного есть след исторически сложившихся способов поселений наших предков, при которых, как поясняет историк Евгений Спицын, они ставили свои жилища по берегам рек, не создавая больших городов, но и не в виде обособленных хуторов. В длительной исторической развертке это формировало устойчивый тип отношений, при котором возникала необходимость, не забывая своих интересов, договариваться с соседями. В этом смысле ценностной установкой КРМ является скорее благо общине и удовольствие от милосердия, чем удовольствие от подавления инаковости.

Это убедительно проявлялось в исходах многочисленных вооруженных столкновений, после победы в которых наши предки устанавливали мир, преобладающим свойством которого было прощение, отказ от мести, расслабление по отношению к рискам нападения со стороны побежденных («...немчики, попейте молочка – мы ж с вами воевали»). Здесь и находится источник удовольствия от милосердия.

Однако притяжение к совместности в КРМ имеет характер не инстинктивный, идущий из глубин «первой природы» в человеке, от инстинкта стадности, а скорее исследовательский. Здесь эта совместность и сопровождающее ее общение есть форма познания мира и самопознания, а не способа приобретения конкретных выгод.

Вследствие этой особенности КРМ в ней сформирован культ согласованной свободы, а не функции. Возможно, именно по этой причине в русском мире редко какому производству удастся выйти на безупречное качество, поскольку оно не является главным компонентом совместной деятельности. Речь идет не столько о совместной деятельности для кого-то, для стороннего клиента, сколько о совместной деятельности с ним, условно говоря, с «заказчиком» результатов работ. Качество будет интересно представителям русской культуры лишь в том случае, если за ним будет стоять *радость исхода свободного совместного творчества, в котором растворяются персональные потребности*. При этом сам предмет деятельности не важен.

Возможно, этот, скажем так, второй и главный, но невидимый план любой совместной деятельности роднит людей русского мира исконным признанием таинственной, скрытой, чувствуемой, а не рефлекслируемой

связи душ – особенной природы Русской Души. Эта и есть та связь, которая примиряет в КРМ различия индивидуального и совместного. И удивительно, как тонко чувствовал в нашей культуре эту ее природу и возникающую в ней возможность Федор Достоевский:

«Стать настоящим русским и будет именно значить: стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе»
(«Пушкинская речь»).

Необходимо признать, что это стремление к коллективности, к соборности в КРМ по разным причинам не достигает своего крайнего значения. Этого не удалось Русской православной церкви. Не удалось никаким реформам и революциям XIX и XX веков. Как объяснял эту особенность нашей культуры С. Булгаков в отношении русской интеллигенции, угнетенной отрицательными результатами революции 1905–1906 годов: *«Эта революция не дала того, чего от нее ожидали»*. С этой задачей не справилось общество и в эпоху социалистического строительства, направлявшего и оправдывавшего парадигму служения всеобщему «Мы».

«Наша интеллигенция, поголовно почти стремящаяся к коллективному, к возможной соборности человеческого существования, по своему укладу представляет собой нечто антисоборное, антиколлективистическое, ибо несет в себе разъединяющее начало героического самоутверждения»⁶⁶.

3. В отношении к различным планам бытия

Культура русского мира, выросшая под тысячелетним влиянием православной веры на мистических корнях славянского язычества в переплетении с язычеством народов, образующих русский мир, признает наличие «второго плана» бытия, в котором возможно иное существование.

Помимо религиозных корней этого обстоятельства следует еще раз упомянуть о таинственной, почти космической, «но до ужаса реальной» связи между русскими душами, которая, как показывает Ю. Мамлеев, *«была налицо уже в древности, несмотря на всю разность характеров отдельных людей. Кроме того, недаром от слова “Род” произошло слово “Родина” <...> Этому способствовала и некая внешняя сторона “язычества” – широта, вольность, “органическая нелюбовь” ко всякой законченности формы»*⁶⁷.

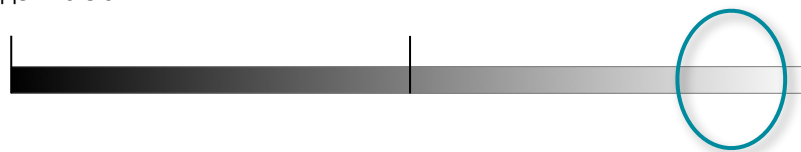
---

⁶⁶ Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. – С. 23–69.

⁶⁷ Мамлеев Ю.В. Россия вечная.

Ценность наличной
реальности, поддающейся
овладению ею

Ценность «второй реальности»
как таинственного плана бытия

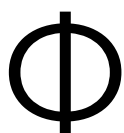
Признание этой неочевидной реальности создает в КРМ эффект выпадения из рациональной реальности, позволяющего творить второй (подлинный) план жизни или надеяться на его творческое созидание. К тому же «любовь к «небу» заставляет человека совершенно иначе относиться к «земле» и земным делам»⁶⁸.

Наличие в ментальном поле нашей культуры «второго плана» многозвучно отражается в творчестве нашей интеллигенции. У Андрея Платонова это «мирная тоска», присутствующая в глубине русской ментальности. Это состояние души в минуты, когда противоречия и «прежняя тревога» обычной жизни сняты, а тоска остается. У Максима Горького это экзистенциальный поток вопросов и внутренних тенденций в душах провинциальных людей, «где нет налета образованности» (М. Горький «Тоска»). У Юрия Мамлеева это «утробно-онтологический солипсизм, ищущий выхода» как признание разными людьми нашего мира собственного индивидуального сознания в качестве единственно подлинной реальности. У Владимира Высоцкого это «все не так, ребята!».

«Все, о чем было сказано прежде, все наше древнейшее Неизвестное («языческое», ведическое, гиперборейское, самое Запредельное) образует в нашей душе некую тайнореальность, сокрытое Невидимое (древнее) мировоззрение, глубоко запрятанное в Русской Душе и, следовательно, в русской культуре и истории»⁶⁹.

В контрасте с этой «чувствительностью» КРМ состояние ряда европейских культур эмоционально выразил А. Блок: «Европа – остров мертвых».

4. В отношении к опорам доверия

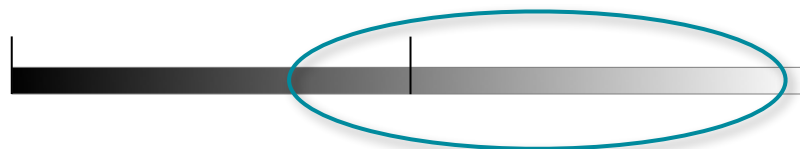

Фундаментальным основанием доверия в КРМ являются чувства и образы, интенсивность значений которых превышает голос рассудка.

«Западноевропейское человечество движется волею и рассудком. Русский человек живет прежде всего сердцем и воображением и лишь потом волею и умом» (И. Ильин).

⁶⁸ Франк С. Этика нигилизма

⁶⁹ Там же. – С. 153.

Двигаясь за мыслью И. Ильина, следует согласиться с тем, что, в отличие от европейской традиции, в которой люди чаще всего стыдятся искренности и доброты как «глупости», *«русский человек ждет от человека прежде всего доброты, совести и искренности»*⁷⁰. Это свойство КРМ в разные времена приводило к прочному сплочению людей с разными ценностями и позициями, но «давших слово», как и к трагическим последствиям обмана чувств.

Можно утверждать, что декартовское «сомнение», послужившее началом эпохи Просвещения и развернувшее человеческую мысль в сторону овладения научным методом, скорее всего, не могло возникнуть в русском мире, где доверие интуиции, неаргументированной убежденности лишало необходимости «считать правдивым только то, что с очевидностью признается нами таковым и составлять полные перечни и обзоры, чтобы ничего не пропустить»⁷¹. Точно так же в западном мире не мог возникнуть К. Станиславский с его знаменитым «не верю», в котором концентрировалось исконное стремление русского духа удерживать свою сверхзадачу чувствами и создаваемым образом в каждой роли, в каждом живом действии.

Иронизируя по поводу рациональности, Ф. Достоевский устами своего героя говорит: *«дважды два четыре есть уже не жизнь, господа, а начало смерти. По крайней мере человек всегда как-то боялся этого дважды два четыре, а я и теперь боюсь»*⁷². К проявлениям этой же иронии следует отнести и гончаровский образ Обломова. По мнению Ю. Мамлеева, *«обломовщина» – символ «отвращения не только к обычной мелкой “активности” и обыденности, но и ко всякой оформленности, воплощенности, определенности, фиксации (черта России, которая не раз отмечалась как русскими, в частности Флоровским, так и западными исследователями)»*⁷³.

⁷⁰ Ильин И. Наши задачи: Историческая судьба и будущее России: Статьи 1948–1954 гг.: в 2 т. Том 1–2. – М.: Рарог, 1992. – 616 с.

⁷¹ Рене Декарт. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках / Пер. на русский язык Г.Г. Слюсарева и А.П. Юшкевича // Рене Декарт. Сочинения в 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1989. – С. 250–296.

⁷² Достоевский, Ф. М. (1821-1881). [Текст] : [сборник : 12+] / Федор Михайлович Достоевский. - Москва : АСТ, 2013. - 487, [1] с.; 21 см. - (Русская классика).

⁷³ Мамлеев Ю.В. Россия вечная.

В усиление этой мысли стоит вспомнить наблюдения Вл. Соловьева, соединявшего в своей личности мистику с философией, относительно природы доверия русской интеллигенции вообще различным суждениям и умозаключениям: *«Русским свойственно принижение разумного начала»*⁷⁴. И даже в вопросах объективации мистики интеллигенция опиралась не на рациональные основания науки, а на ее свободное вопрошание и веру, полагая, что *«философия есть один из путей объективирования мистики. А высшей же и полной формой такого объективирования может быть лишь положительная религия»*⁷⁵.

Западные начала доверия исторически развивались в противоположность этой черте КРМ. Сама религия как высшая форма веры с лютеранских времен и до настоящего времени трансформировалась в сферу психики, эмоций, политики, но не духа.

«Европой искони владел Рим – сначала языческий, потом католический, воспринявший основные традиции первого. Рим никогда не отвечал нашему духу и нашему характеру. Его самоуверенная, властная и жестокая воля всегда отталкивала русскую совесть и русское сердце»⁷⁶.

Видимо, некоторое ослабление чувственно-образной опоры доверия в русской культуре и усиление рациональности в нашей жизни – объективный процесс, обусловленный закономерностями цивилизационного, в первую очередь технологического, развития. Однако это явление стоит связать с проникновением в русскую культуру европейского уклада жизни и мировоззрения, начавшимся, видимо, с Петра I. Не случайно именно ему адресовано переживание философа Ю. Лотмана по поводу того, что его усилиями исконная традиция доверия к искренне данному обещанию, которым славилась русская интеллигенция, начала подавляться формальными правилами. Однако это размывание КРМ движется медленно и удерживается в мужчинах и женщинах русского мира культурной памятью о благодати образно-чувственной веры человека человеку.

«Русская женщина смела. Русская женщина смело пойдет за тем, во что поверит» (Ф. Достоевский «Пушкинская речь»).

Вслед за величайшим психологом К. Юнгом стоит заметить, что эта особенность КРМ сближает нас с культурой индийского народа. Рассуждая об особенностях восточных религий и философий, он показывает, что *«действительность – это то, что действует. Для нас*

---

⁷⁴ Цит. по: Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. – С. 1–22.

⁷⁵ Там же. – С. 21.

⁷⁶ Ильин И. Наши задачи: Историческая судьба и будущее России.

[европейцев] действительно то, что связано с миром явлений, для индийца действительна душа»⁷⁷.

5. В отношении к религии

Ценностные императивы этого отношения в КРМ являются наиболее сложными, поскольку должны быть осмыслены в исторически сложной динамике вероисповеданий русских людей и в пересечении культуры с вероисповеданием народов, которые в разные времена участвовали в становлении русского мира. В предельном обобщении в этой динамике следует выделить три сменяющие друг друга, перерастающие друг в друга фазы, не совпадающие целиком с фазами «осевого» времени», оказавшие наиболее сильное формирующее влияние на КРМ:

- языческая культура древних славянских народов;
- культура христианизированной России;
- культура советского и постсоветского периода.

К несовпадающим относятся начало и конец самого «осевого» времени в русском мире, сдвинутого историческими событиями начала крещения Руси и Великой Октябрьской социалистической революции, в которой произошло не разрушение, но трансформация идеи «должного».

Итогом этого анализа может быть утверждение, повторяющее дух древнеиндийских вед:

«...не ищите счастье в малом. Счастье возможно только в большом»
(Упанишады).

Речь идет о том, что ценностно-смысловое значение религии в русском мире сводится к тому, что она есть вход в сферу Духа, то есть в ту область бытия, в которой содержатся и могут быть найдены «последние основания» деятельности, человеческого существования, выступающие для него истиной.

Ценность религии как
способа обретения счастья
в земной жизни

Ценность религии как входа в
сферу Духа

⁷⁷ Юнг К.-Г. К психологии восточной медитации // Юнг К.-Г. О психологии восточных религий и философий / Сост. В. Бакусеев. – М.: Медиум, 1994. – С. 10.

Таким значением религии объясняются и оправдываются не только примеры житетворчества людей, почитаемых в православии святыми (Сергий Радонежский, Серафим Саровский, Амвросий Оптинский, Ксения Петербургская и др.). Ее основания лежат и в особенностях русской философской и впоследствии научной мысли, создавшей уникальное, живое, продуктивное и в наши дни телеологическое мировоззрение, известное под названием «русский космизм». Оно поддерживается сознанием всеобщей взаимной обусловленности космических и земных процессов, поиском места человека во Вселенной, признанием неразрывности микрокосма (человека) и макрокосма (Вселенной), и необходимости соизмерять человеческую деятельность с принципами целостности этого мира. В преемственной цепи этого синтеза веры, философии и науки состоят люди, казалось бы, далекие от церковной традиции, но одержимые ценностью «счастья в большом»: Н. Федоров, Вл. Соловьев, К. Циолковский, М. Ломоносов, С. Подолинский, В. Вернадский, А. Чижевский, Ф. Достоевский, Л. Толстой, И. Мещерский, С. Рахманинов, Н. Кибальчич, Ф. Цандер, П. Кузнецов, А. Хуторской, С. Короленко. В культурологии этот феномен сращивания веры и сугубо «прикладной» практики объясняется единством пространства, в котором это сращивание происходит и закрепляется.

«Порыв к слиянию с чем-то большим, над- и сверхчеловеческим, закрепляясь в ментальности, включающей в себя как сознательную, так и бессознательную сферы, превратился в культурно-антропологическую константу, воспроизводящую самое себя наперекор любым индивидуальным и групповым представлениям и убеждениям. Этот, говоря ненаучным языком оккультизма, эгрегор живёт самостоятельной жизнью, до известной степени не завися от ментальных настроек субъектов-носителей»⁷⁸.

Наглядность обозначенной позиции КРМ в отношении религии усиливается при сравнении с культурой Западной Европы, в которой парадигма торжества индивидуальных потребностей в три этапа (Ренессанс, Реформация, Просвещение) победила сродненность человеческой души с ее источником высшего порядка в виде духовного Абсолюта и его земных проекций. Эта парадигма теперь навязывается всему миру. В православном «исчислении» ценностей такая ситуация рассматривается как потеря, состоящая в отказе от «раскрытия внутреннего Христа» (Н. Бердяев). В сакральной традиции ислама – это потеря надежды отыскать и взрастить в себе Семя Веры для «возвращения к Богу через поклонение Ему»⁷⁹.

---

⁷⁸ Пелипенко А. А. «Русская система» в культурном измерении.

⁷⁹ Хайрутдинов А. Г. Коран: Осмысление продолжается. – Казань, 2009. – 92 с.

Подобными мыслями питают души сакральные философии и других религиозных движений русского мира.

Храм. Фото А. Кецяляйнен

Надо заметить, что в настоящее время значения этого ценностного отношения к религии существенно размыты в обществе, но не изменены и не стерты с карты памяти КРМ. Явное снижение высоты идеи «счастья в большом» обусловлено, по-видимому, тремя факторами: экспансией капиталистического мировоззрения; усилением влияния на культуру технологических факторов; ослаблением православной церкви. Однако ни в какой другой культуре, как в культуре русского мира, настолько не укоренилось вопрошание действительности, отвлеченное от конкретного «сколько?» и сращенное с запредельным «зачем?».

6. В отношении к личному счастью

В глубине КРМ можно найти признаки широкого, можно сказать, полного диапазона значений смысла личного счастья. Он охватывает почти всю их шкалу.

Ценность удовлетворения
актуальных потребностей

Ценность духовного восторга
через преодоление

При том, что ценность «малого счастья» в комментариях не нуждается, в КРМ следует признать еще и некую необходимость достижения высшего счастья страданием, исторические корни которой вряд ли могут быть доказаны полностью. Возможно, этой необходимостью в какой-то мере объясняются особенные черты русской культуры, которую в гуманитарных дискурсах называют «плачущей».

В этой «страдальческой» традиции только поверхностный взгляд может усмотреть признаки печали по неудовлетворенной потребности «малого счастья». В ней нет и печали от пустоты и бессмыслицы, которая обычно сопровождает потери. Это *«страдание не из-за отсутствия метафизической полноты, наоборот, именно за счет ее присутствия»*. В этом явлении следует усмотреть проявление некоего «принципа тоски», сопровождающей русского человека всю жизнь, согласно которому *«... вступить в контакт с тем, чего нет, можно лишь через тоску»* (Ю. Мамлеев).

*«Я молод, жизнь во мне крепка. Чего мне ждать, тоска, тоска!»
(А. Пушкин «Евгений Онегин»).*

По мнению И. Коньревой, *«...плачевая культура утверждает именно общечеловеческие жизненные ценности, наполненные вечными смыслами духовного очищения и возрождения. "Человек погребавший и плачущий" (Г.П. Федотов) является едва ли не важнейшим феноменом в истории становления нравственных идеалов человечества»*⁸⁰.

Однако проявлением крайнего, непонятного западному миру, русского значения ценности этого «настоящего счастья» не выступает непременно плач, но также восторг, экзальтация, которые знаменуют собой факт преодоления трудности жизни, сыгравший свою повышающую роль. Традиционно в КРМ это становится событием с неизменными ритуальными компонентами: чувствованием, песнопением, винопитием, танцами, публичными признаниями, раздачей милостыни и т.д. Такого рода эстетизация переживаний преодоления трагических жизненных проблем является мощным средством их разрешения, при котором эмоциональные коллективные переживания, реализующиеся через ритуально-выразительную форму, создают особый психологический эффект – катарсическую, очищающую атмосферу. То есть, независимо от эмоциональной окраски актов восхождения к счастливым, наполненным состояниям души, возникающим в переходах через преграды, их ценность для людей КРМ оказывается сильнее, величественнее блаженства от земных радостей.

---

⁸⁰ Коньрева И.В. Плач как феномен русской культуры: автореф. дисс. ... канд. культурологии. – Комсомольск-на-Амуре, 2003. – 24 с.

К этому стоит добавить, что эта черта КРМ формировалась под магнетизмом ценности становления, то есть развития, а стало быть, высших личностных (и коллективных) достижений через преодоление, через страдания. Она выращивалась в культуре русского мира исторически. Возможно, это было обусловлено, во-первых, сложными условиями жизни наших предков в климатически суровых местах и, во-вторых, тем, что начиная уже с I века новой эры славянские племена вели постоянные войны и стычки со своими соседями и прежде всего с могущественной Римской империей. Все это не только закаляло дух, но и формировало особенное отношение к горю и радости.

При этом под воздействием многих причин, и в первую очередь природных биологических программ в человеке⁸¹, эта ценность постоянно испытывалась в КРМ пробуждением стремления к самоудовлетворению через обман и воровство. К этим возмущениям КРМ добавилось активное и, как теперь понятно, целенаправленное воздействие западного мира на ее основания. Как писал в 2003 году директор Института проблем управления РАН академик И. Прангишвили: *«Нас последние 12 лет приучили воровать и брать взятки, а также вывозить украденный капитал за рубеж ради собственной наживы и не возвращать его обратно в Россию. Многие взятки чиновников узаконены на государственном уровне при выдаче сертификатов, лицензий, разрешений. Скрытым взяткам способствуют различные благотворительные фонды и коммерческие фирмы при госучреждениях»*⁸². Разумеется, этому русские люди учились не только последние 12 лет, но несколько последних веков. Разумеется, эти примеры размывали и размывают базовое значение отношения к личному счастью, которое (значение) придавало устойчивость нашей культуре. Однако этот «опыт» и прежде, и теперь воспринимался в ней как маргинальный и тем самым укреплял базис.

Разумеется, сформировавшийся столь широкий диапазон ценностного проявления переживания личного счастья не может быть объективно понят и принят рациональным сознанием, способным точно находить выгоды в каждом сюжете жизненной пьесы и опирающимся на идеалы материального достатка.

«Счастье оглуляет все существа, кроме Бога!» (Ю. Мамлеев).

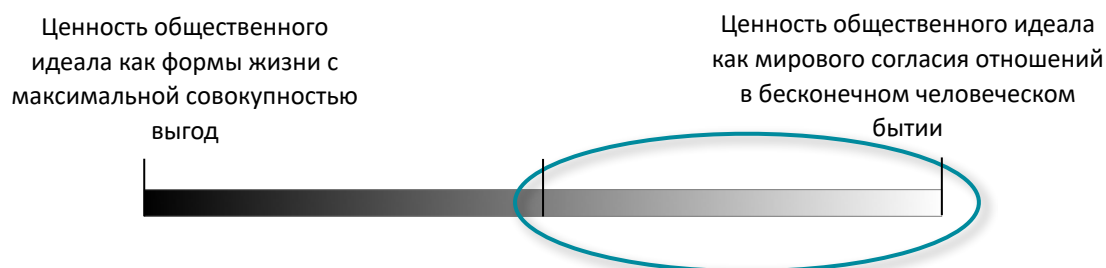
⁸¹ Речь идет о производных инстинктах самосохранения и борьбы за существование, активизирующих в людях программы собирательства, воровства, собственности, территории и др.

⁸² *Прангишвили И.В.* Энтропийные и другие системные закономерности. – М.: Наука, 2003. – 432 с.

7. В отношении к идеалам

В полярности ценностных значений общественных идеалов КРМ занимает широкую область. Край ее предельной позиции находится за границами идеальной формы жизни существующего общества в движении к объективно необходимому созвучию отношений в бесконечности бытия. Другой (приземленный) край области – это умеренно-сносное обладание выгодами от актуальных условий жизни, не мешающих свободному творчеству Духа.

Русской душе всегда было тесно в рамках складывающегося мира. И речь идет не столько о пространственных границах, которые есть лишь форма, сосуд для содержания переживаний духа. Мы говорим о пространстве внутреннего вопрошания людей русского мира, стремящегося за горизонт наличного бытия, к соскальзыванию в Бездну (по Н. Бердяеву), в бесконечность, в экстаз, в грезы, «...где нет ни Бога, ни дьявола, а одно бесконечное человеческое бытие» (А. Платонов). Эта расширительная сила человеческого духа, присущая, разумеется, не только русскому миру, во все времена придавала воображению людей о будущем совершенно различные направления, создавала особенные, в том числе противоположные, течения. В КРМ эта сила, судя по интенсивности философских, художественно-литературных, театральных, политических и других движений мысли и действий, с нарастающей смысловой плотностью устремляла людей к объяснению и заполнению «...провала, образующегося в изломе бытия, в чувстве его неустойчивости, в ощущении катастрофичности и апокалиптичности земной жизни» (Ю. Мамлеев).

В русле этого течения возникла так называемая русская идея⁸³ – идея исторической уникальности, особого призвания и глобальной задачи русского народа и Российского государства, которая изначально и теперь никак не была связана с господством одного народа над всеми другими. Она выстраивалась как философия и надежда на преображение человечества на идеалах истины, добра и красоты, совпадая в этом с идеей христианского преображения жизни.

⁸³ Термин Ф. Достоевского (1860).

Так, «русская идея Достоевского – это воплощенная в патриотическую форму концепция всеобщей нравственности»⁸⁴.

«Ибо что такое сила духа русской народности, как не стремление ее в конечных целях своих ко всемирности и ко всечеловечности»
(Ф. Достоевский «Пушкинская речь»).

Во времена подъема духа в русском мире (вторая половина XIX – первая половина XX века) и теперь в его живой ткани сохраняется представление о том, что контакт с воображаемой бездной, с бесконечностью может дать человеческой душе больше, чем любая реализация. Или, как писал С. Франк: «Любовь к “небу” заставляет человека совершенно иначе относиться к “земле” и земным делам»⁸⁵. Эта мысль ценностно роднит нас с индийской культурой, в которой тоже признается, что «возможность совершенства берет перевес над противоречиями действительности» (Р. Тагор). Эта же мысль ценностно отделяет нас от Европы, которая «не знает нас потому, что ей чуждо славянорусское созерцание мира, природы и человека»⁸⁶. Можно согласиться с предположением Ю. Мамлеева о том, что в этом стремлении русского духа вступить в «последние отношения» с реальностью действует имплицитная память народа о гиперборейской прародине. Но так или иначе Запредельное образует в КРМ некую тайнореальность, глубоко запрятанную в русской душе и граничащую с апокалиптичностью.

Отчасти этим объясняются «странности» русского мира, в котором раздолбанные дороги и покосившиеся заборы уживаются с высоким искусством; в котором почти не приживается «бережливое производство», высочайшее (японское) качество продуктов и сервиса; не создаются уютные кабины для трактористов и вообще не создаются комфортные трактора; не продвигается обещанная реновация жилого фонда с такой скоростью, как, например, в Сингапуре⁸⁷. И вообще, незавершенность любого начатого дела нас не беспокоит настолько глубоко, как сама его идея. Ведь идея была, стало быть, все состоялось!

---

⁸⁴ Гулыга А.В. Русская идея и ее творцы. – М.: Эксмо, 2003. – 448 с.

⁸⁵ Франк С. Этика нигилизма.

⁸⁶ Ильин И. Наши задачи: историческая судьба и будущее России.

⁸⁷ В Сингапуре существует правило, согласно которому срок существования жилья не должен превышать период жизни поколения людей, то есть 20–25 лет.

Балуево. Фото А. Теслинов

«Мы не любим все доводить до конца и в полной мере. Мы только затеваем какую-то реформу, но, не успев пройти часть избранного пути, уже кричим, что это плохо, что это нам не подходит. Мы дискредитировали социалистические идеи, само понятие социализма исказили и очернили, а под наш шумок и пререкания шведы построили достойный социализм. Затем мы провозгласили реальный социализм, так ничего не сделав для его осуществления, потом мы провозгласили рынок и демократические преобразования и в этом направлении чуточку продвинулись, но стали говорить, что рынок и демократия не для России. Хотя, чтобы сделать такой однозначный вывод, необходимо немного пожить в этих условиях. У нас не реализована в полной мере ни одна экономическая или социальная концепция или реформа, наблюдается непрерывное шатание. Например, мы сегодня ругаем наш федерализм, но в сфере федеральных отношений сделали ничтожно мало»⁸⁸.

И все это при том, что в стране делаются самые точные и мощные ракеты, самые быстрые и надежные танки, самые тихие и глубоководные подлодки. Видимо, идеальное значение конкретного «здесь и сейчас» не имеет в КРМ такого «веса», как миссия грозного оружия на страже мирной жизни человечества. Подбор соответствующей посуды под дорогое вино не важнее, чем повод, по которому оно выпивается.

---

⁸⁸ *Прангшвили И.В.* Энтропийные и другие системные закономерности.

Как следствие, устремленность КРМ в бесконечное, запредельное закономерно вызывает в ней интерес к другим культурам – а как у них? Отсюда и терпеливое принятие инаковости, необособление и неподавление чужого при сохранении своего.

Только не мешайте и нам идти своей дорогой!

8. В отношении к справедливости

Ценностно-смысловое значение справедливости в КРМ всегда обретало место вблизи Истины даже в те периоды, когда справедливость подменялась договоренностями.

Ценность нормы, закона,
формального правила,
договоренностей

Ценность безусловной истины
человеческих отношений

«Я прочел “Войну и мир” Толстого очень рано...» – так начинается откровение сэра Исаяи Берлина⁸⁹, английского философа, бывшего президента Британской академии. Далее он говорит о своем открытии того обстоятельства, что с середины XIX века умонастроение великих русских писателей сконцентрировалось не на том, чтобы дать реалистическое описание жизни людей. «Их позиция представлялась мне преимущественно нравственной: больше всего их волновали вопросы о причинах несправедливости, гнета и фальши в человеческих отношениях, о лишении свободы. <...> Осуждая эти явления, они стремились узнать, что могло бы привести их к прямо противоположному царству истины, любви, честности, справедливости, безопасности, к личным отношениям, обеспечивающим человеческое достоинство, порядочность, независимость, свободу и полноту духовной жизни». Уроки из анализа этой и других форм культурного наследия привели Берлина к пониманию ряда, как он говорил, истин:

- Некоторые Великие Блага не могут жить вместе.
- Любое решение порождает новую ситуацию, которая порождает свои собственные новые потребности и проблемы, новые требования.

⁸⁹ Берлин И. Подлинная цель познания. Избранные эссе / Пер. с англ. и коммент. В.В. Сапова. – М.: Канон+. – 2002. – 800 с.

- Возможность любого «окончательного решения» – чрезвычайно опасная иллюзия.
- Мы обречены на выбор, а всякий выбор может привести к невозместимой потере.
- Правила, ценности, принципы должны уступать друг другу в зависимости от ситуации.
- Все, что от нас требуется, это «чтобы цели, которые мы хотим достигнуть, принимались как элементы всеобъемлющей формы жизни».

Дальше его вывод из этих уроков оказался слабым, не поднявшимся к этической природе подлинной справедливости, способной опереться лишь на истину⁹⁰. А вообще, такой вывод уже был сделан Л. Толстым, которого Берлин читал, будучи еще ребенком, но подзабыл с годами:

«Истина всегда была, есть и будет прекрасна».

В русской культуре красота истины оказалась найдена в сближении человеческой жизни со сверхчеловеческим и абсолютным началом, являющимся вечной универсальной опорой.

Вообще, Истина в русском мире носит фантастический характер, проявляя этим присутствие в нем токов невидимого древнего мировоззрения. Об этом свидетельствуют творения многих представителей КРМ: Н. Некрасов («Кому на Руси жить хорошо?»), Л. Толстой («Война и мир»), Ф. Достоевский («Идиот»), М. Шолохов («Тихий Дон»), М. Булгаков («Мастер и Маргарита»), Аввакум, Вл. Соловьев, Н. Бердяев, Н. Гоголь, А. Пушкин.

«Не вне тебя правда, а в тебе самом; найди себя и себе, подчини себя себе, овладей собой – и узришь правду».

«Он [А.С. Пушкин] первый (именно первый, а до него никто) дал нам художественные типы красоты русской, вышедшей прямо из духа русского, обретавшейся в народной правде...» (Ф. Достоевский «Пушкинская речь»).

Даже при многовековом принуждении русского народа к правде в смысле «формального закона» в его культуре неистребимо продолжает жить дух истины, проявляясь в живых отношениях между людьми («Закон вижу, знаю, а как на самом деле?»), и в художественном творчестве современников («В чем сила, брат? Сила – в правде!»), и в магнетизме естественной улыбки, взгляда, жеста, не украшенных правилами

---

⁹⁰ Исая Берлин говорит о необходимости в обстоятельствах «конфликта положительных ценностей» поддерживать некоторое равновесие, которое может свести его к минимуму.

формального этикета. В русском мире справедливость имеет этическое основание, укрепленное в истине.

Однако реформы последних 300 лет все же размывили эту силу КРМ, разбавив ее выгодами формальных текстов и законами правосудия, охраняющими правила от правды.

9. В отношении к историческому предназначению

Э то отношение формировалось в культуре русского мира на протяжении тысячелетия⁹¹. В XVIII веке поиск исторического предназначения Руси вызвал устойчивый, усиливающийся интерес, который сохраняется до наших дней. Трудно найти иную культуру, в которой вопрос о предназначении занимал бы более важное место и в философской риторике, и в народной молве, нежели КРМ. За этим притяжением стоит до пределов обостренное стремление к осмысленному существованию, не столько к удовлетворяющему, сколько к конечному ответу на сакральный вопрос «зачем?». В ответе на этот вопрос (снова о «последних основаниях»), который можно «услышать» и в художественном творчестве соотечественников, и в стратегических планах России, и в застольных откровениях простого народа, отражается переживание некоего промежуточного состояния между исторически достигнутым и предельно возможным, ускользающим за горизонт его постижения. Иными словами, ценностно-смысловое значение исторического предназначения общества в КРМ имеет признаки посредника между актуальным мирозданием и той самой «запредельной Бездной», в движении к которой находит себя и оправдывает высшая форма существования.

Ценность владычества над
миром людей

Ценность изменения мира людей
к высшей форме существования

В этом устремлении русского мира уже давно нет жажды овладения всеми доступными территориями, мыслями и деяниями планетарного масштаба, поскольку из далекого прошлого овладение огромной частью планеты и ее природными ресурсами уже не вызывает «территориальной ностальгии» – такая часть планеты у России уже есть. Ностальгию вызывает ее неизмеримость:

⁹¹ Согласно «Повести временных лет», с 862 года нашей эры: Повесть временных лет/ Перевод Д. С. Лихачева, О. В. Творогова. – СПб: Вита Нова, 2012. – 509 с.

«Россия не человеческая пыль и не хаос. Она есть прежде всего великий народ, не промотавший своих сил и не отчаявшийся в своем призвании» (И. Ильин).

«Россия необъятна. Не только своим поразительным разнообразием человеческой природы, разнообразием культуры, но и разнообразием уровней – уровней во всех душах ее обитателей...» (Д. Лихачев).

«Родина не есть условность территории, а непреложность памяти и крови» (М. Цветаева).

Но в этом устремлении и нет завершения, достигнув которого можно успокоиться и остановить поиск некоего «последнего» предназначения. Нет того абстрактного «лучшего» или, правильнее сказать, «улучшенного мира», к которому стоит направлять свои усилия. А есть отстраненность от текущего, «невместимость» в мир, в исторически достигнутое, при устремлении к «всечеловечности»⁹². Есть устремленность к фантастическим целям и неразрешимым вопросам, есть зов в Великое Неизвестное. В этом зове состоит неизбывная «русская тоска».

Известно, что Великое Неизвестное является продуктом известного. Как говорил С.П. Никаноров, «...это то, что стоит за известным и лукаво выглядывает из-за него»⁹³. Действительно, каждый шаг человечества в познании и освоении себя и породившего его мира влечет устрашающе быстрый и гигантский рост частного неизвестного. Закономерно, что за каждым ответом на возникающие вопросы о настоящем вырастают грозди новых вопросов. И среди них есть такие, ответы на которые определяют саму возможность существования человечества, – это и есть вопросы из области Великого Неизвестного. И поскольку мир с появлением человека движется уже не медленными циклами, а «произведением произведений», то «размеры» Великого Неизвестного увеличиваются с ускорением.

С.П. Никаноров полагал, что продуктивная работа с Великим Неизвестным сможет развернуться лишь тогда, когда человечество приобретет способность к исследованию закономерностей и целесообразности создания человека и себя самого как продукта сознательного действия Природы (как субъекта) для достижения ее

---

⁹² Чаадаев П.Я. Философические письма // Полное собрание сочинений и избранные письма. Том 1. – М.: Наука, 1991. – 768 с.

⁹³ Цит. по: *Теслинов А.Г. Великое Неизвестное в концепции субъектной Природы* // Никаноровские чтения: Работы С.П. Никанорова. Распаковка идей. Материалы VI науч.-практ. конф. КПиА СОУ (24 декабря 2021 г.) – М.: ДиБиЭй-Концепт. – 2021. – С. 71–89 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://master-concept.ru/wp-content/uploads/nikanorov6.pdf>

целей⁹⁴. Эту способность он называл способностью к объективации истории человечества и в самой этой мысли опирался на озаренческое отчаянье И. Канта.

«Поскольку нельзя предполагать у людей и в совокупности их поступков какую-нибудь разумную собственную цель, нужно попытаться открыть в этом бессмысленном ходе человеческих дел цель природы, на основании которой у существ, действующих без собственного плана, все же была бы возможна история согласно определенному плану природы»⁹⁵.

Однако эта работа с Великим Неизвестным уже длится в КРМ, создавшей не только движение «русского космизма», но и уникальную философию всечеловечества как экзистенциального выбора общества, сознающего самого себя.

«Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только (в конце концов, это подчеркните) стать братом всех людей, всечеловеком, если хотите» (Ф. Достоевский).

«Поверх всяких Россией есть одна незабываемая Россия. Поверх всякой любви есть одна общечеловеческая любовь. Поверх всяких красот есть одна красота, ведущая к познанию Космоса» (Николай Рерих).

Разумеется, эта особенность культуры присуща не только КРМ, поскольку идеи близкой к ней ценности исторического предназначения можно найти в умах представителей и других культур (Ф. Ницше, Ш. Ауробиндо, Д. Кришнамурти и др.). Но масштаб и долговечность укрепления этой ценности в КРМ сформировали характерный лишь для нее облик. Возможно, это обстоятельство вызывало и вызывает и в наши дни неспособность западного мира понять Россию и смириться со своим временным существованием под силой смыслового магнита ценности КРМ.

«Россия — это окутанная тайной загадка внутри чего-то непостижимого» (У. Черчилль).

10. В отношении к другим культурам

Принципиальной особенностью КРМ в отношении к другим культурам, сохраняющейся в веках, является воспроизводство ценности самобытия.

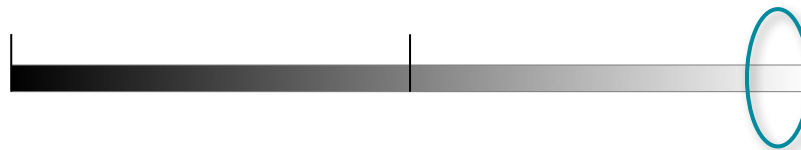
⁹⁴ Никаноров С.П. Формы интеграции человечества с объективной точки зрения на его историю. – М., 2012.

⁹⁵ Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане (1784) // Сочинения в 6 т. Т. 6. – М.: Мысль, 1966. – С. 5–23.

Это воспроизводство ценности происходит в русском мире через непрерывный поиск самостоятельной «русской идеи».

Ценность включенности в
мировые тренды через
подражание и заимствование

Ценность самобытия

В этом смысле весьма показательным воспоминанием Юрия Мамлеева о сентенции одного англичанина, участника небольшого семинара: *«Самое удивительное в русских то, что они задают, притом с такой страстью и с таким интересом, вопрос самим себе: что такое Россия? У нас никто не задает себе вопрос, что такое Англия? Это звучало бы полным абсурдом. Все знают, что Англия – просто страна с парламентом»*. Действительно, трудно найти такой народ, который столь длительное время (века) был бы одержим поиском своей не столько «национальной», сколько социокультурной идеей.

В философском и художественном творчестве русских мыслителей это вопрошание приобрело особую интенсивность с середины XIX века. Н. Данилевский впервые утвердительно сообщил миру о том, что Россия – особенная внеевропейская самостоятельная цивилизация. С той поры (с 1871 до 1993 года) все примеры активности русского мира свидетельствуют о непрерывающемся поиске доказательств этого утверждения. Этот поиск является наиболее важной особенностью ценностной позиции КРМ – ценности поиска и утверждения самобытия.

Как метко описывал панораму русской мысли Георгий Гатчев,

«...русский мыслит по формуле: “не то..., а что?” – в противовес аристотелевскому “это есть то”»⁹⁶.

Временный отказ от этого воспроизводящего КРМ поиска, произошедший в 1993 году, с неизбежностью искривил линию развития нашего культурного потока, наполнив его ослабляющими соблазнами уподобления культуре западного мира. Но могучая инерция поиска и зов его незавершенности восстановили равновесие интеллектуальных сил – Россия снова в поиске своего пути в Неизвестное. *«Будущая самостоятельная русская идея еще не родилась, а только чревата ею земля ужасно и в страшных муках готовится родить ее»* (Ф. Достоевский).

⁹⁶Гатчев Г. Русская Дума. Портреты русских мыслителей. – М.: Новости, 1991. – 272 с.

«У нас вся культура – иная, своя, и притом потому, что у нас иной, особый духовный уклад. У нас совсем иные храмы, иное богослужение, иная доброта, иная храбрость, иной семейный уклад; у нас совсем другая литература, другая музыка, театр, живопись, танец; не такая наука, не такая медицина, не такой суд, не такое отношение к преступлению, не такое чувство ранга, не такое отношение к нашим героям, гениям и царям. И притом наша душа открыта для западной культуры: мы ее видим, изучаем, знаем и если есть чему, то учимся у нее; мы овладеваем их языками и ценим искусство их лучших художников; у нас есть дар вчувствования и перевоплощения.

У европейцев этого дара нет. Они понимают только то, что на них похоже, но и то искажая все на свой лад. Для них русское инородно, беспокойно, чуждо, странно, непривлекательно. Их мертвое сердце – мертво и для нас. Они горделиво смотрят на нас сверху вниз и считают нашу культуру или ничтожною, или каким-то большим и загадочным “недоразумением” ...»⁹⁷

Поскольку поиск, о котором идет речь, как и многое другое в КРМ, не предполагает завершения, а стремится к постоянному обновлению и наращиванию смысловой ткани самобытия, то он имеет два признака:

1. Он не несет угрозы другим культурам. И особенно тем, которые заняты подобным поиском в отношении самих себя. Это придает самобытности КРМ дружелюбный характер, склонный к признанию в других подобных ценностных установках. Надо согласиться с мыслью Ю. Мамлеева, что *«при патриотическом мировоззрении самобытность, глубина и величие собственной национальной культуры и национального самосознания не являются поводом для подавления других народов»*.
2. Он не имеет характер ретроспекции, блокировки развивающихся процессов, упрощения культурного кода (типа вернуть «изначальный смысл именам», «вернуться к истокам», «возродить традиции», «исправить изолгавшийся мир»).

«Конфигурация факторов в “Русской системе” уникальна. Такие факторы, как расколотость общества, специфический характер атомизации, совершенно особая конфигурация смысловых комплексов, связанных с властью и Должным, и особый исторический путь делают “Русскую систему” по-своему неповторимой. Во всяком случае, в подобной конфигурации она не повторялась и не повторяется нигде. И нигде не является такой устойчивой»⁹⁸.

---

⁹⁷ Ильин И. Наши задачи: историческая судьба и будущее России.

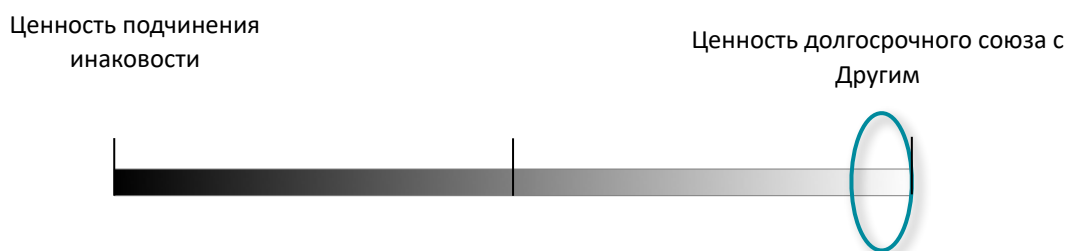
⁹⁸ Пелипенко А.А. «Русская система» в культурном измерении.

Однако следствием ценности самобытия в условиях стирания культурных различий между народами, подталкиваемого управляемой глобализацией, является то, о чем предупреждал Ф. Достоевский:

«Нам не простят, если мы будем сами собой».

11. В отношении к исходам противостояния

В КРМ преобладает ценность победы любого противостояния как союза, способного через разнообразие форм совместного существования увеличить жизненные силы его участников.

Эта ценность обусловлена многими другими ценностями КРМ, и, в частности, высоким значением согласованности свобод, общением как формой развития и самопознания, стремлением русской ментальности выйти к «последним основаниям бытия», чувствительностью к позитивным образам возможного совместного благополучия и ряд других.

Как существенную особенность «русского» союза с иным, с иными культурами следует выделить не компромиссное примирение, а возможность создать невиданное новое. По мысли Ф. Достоевского, «... русская душа, гений народа русского, может быть, наиболее способны, из всех народов, вместить в себе идею всечеловеческого единения, братской любви, трезвого взгляда, прощающего враждебное, различающего и извиняющего несходное, снимающего противоречия».

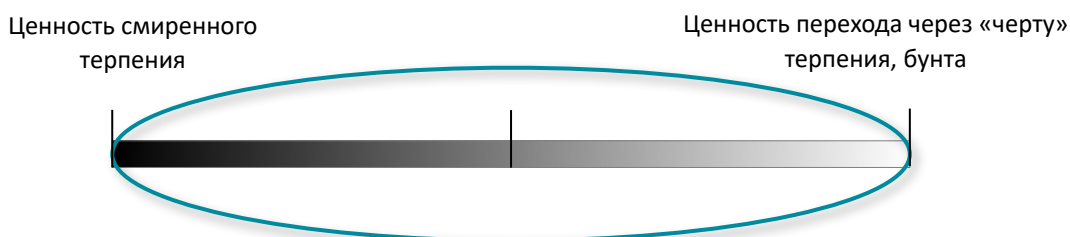
Положительное экзистенциальное значение этой ценности очевидно. Однако проявления ее магнетизма чреваты возможностью войти в ложный союз с хитростью иной культуры, что не раз было в истории русского мира. Хотя в долгосрочной исторической перспективе выигрыш был на его стороне.

12. В отношении к предельным состояниям духа

Отличительной особенностью КРМ, удивляющей представителей других культур и приводящей их к заблуждениям относительно поведения «русских», что резко повышает энтропию во взаимоотношениях с последними, является то, что в ее ценностях

содержится вся палитра значений предельных состояний духа – от терпения до состояния «смертельного, беспощадного русского бунта», перехода через «черту» терпения и отчаянья.

В одних ситуациях, при одних условиях и глубине душевного и духовного напряжения русские могут долго терпеть внутреннее угнетение, которое чаще всего приходит вместе с внешним (германское, хазарское нашествие, междоусобица русских княжеств, принудительное иго чингизидов, фашистская чума, сладкое притупление смыслов ростом капитала и пр.).

«Особенность нашего менталитета – молчаливое смирение перед лицом неприятностей и унижений. Так, российское общество пока не стремится понять смысл и глубину геополитических проблем России, будь то унижение России со стороны США и Европы на Олимпиаде или размещение американских военных баз в Узбекистане, Киргизии и Таджикистане, где Россия имеет свои национальные интересы. Из-за особого менталитета нашего народа и военно-экономической слабости страны мы все это «проглатываем»⁹⁹.

Но рано или поздно наступает момент, который в исторически короткий миг меняет ситуацию на противоположную. Это та самая черта, после которой остается одно – «дойдя до пропасти, свеситься в нее наполовину, заглянуть в самую бездну» (Ю. Мамлеев). Этот бунт лишь кажется бессмысленным, поскольку является результатом лопнувшего терпения народа, не имеющего ясного видения достойной конечной цели и путей её достижения. Но это тот бунт, в котором видится дорога к свободе, отнюдь не ведущая к тому, чтобы взять чужое, а вызванная невозможностью сохранить своё (восстания Разина, Пугачева, декабристов, февральская революция, октябрьская революция). Такое крайнее состояние в КРМ возникает не только от чрезмерного принудительного влияния внешних условий на ментальность русских людей. Причиной бунта может быть и сильное напряжение внутреннего мира, идей, переживаний судьбы, обусловленных внутренним созреванием смыслового поля до содержательно предельного значения. Эта двойственность, переходы внутри которой человеку, слабо знакомому с КРМ, представляются нелогичными, видятся

⁹⁹ *Прангшвили И.В.* Энтропийные и другие системные закономерности.

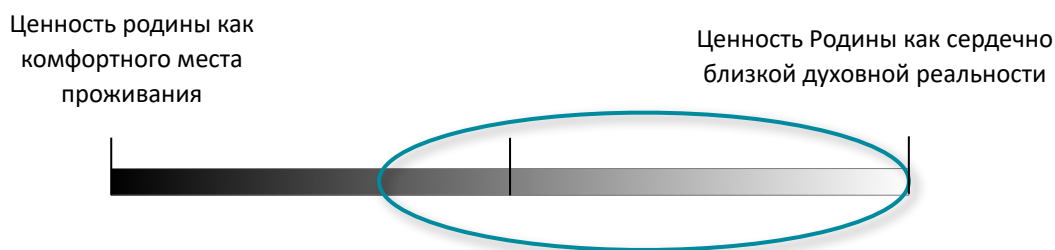
умопомрачением и сумасшествием, на самом деле спокойно уживается в душе человека русской культуры, вызывая ужас у непосвященных. Возможно, по этой причине во многих странах все непонятно опасное называют «русским» (русские горки в Мексике, Америке, Канаде и Франции, русская рулетка, русский солдат, русский офицер...).

«Не приведи бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!» (А. Пушкин «Капитанская дочка»).

13. В отношении к Родине

В КРМ Родина воспринимается в первую очередь как «духовная реальность». Отношение к ней окрашено не столько рациональными значениями (место рождения, прописки, география...), а эмоциями. Ею гордятся, ее стыдятся, по ней скучают, переживают ее успехи и неудачи как свои собственные, испытывают к ней пристрастие и другие чувства. В наиболее ярких откровениях о Родине *«она воспринимается, переживается и приобретается только любовью, а для того, кто ее не любит, она просто не существует»*¹⁰⁰ (И. Ильин). Причем, как говорил В. Высоцкий, «мы любим ее не «за», а «вопреки», поскольку «если за что-то, то это не любовь, а хорошее отношение».

Но эта центральная позиция ряда значений отношения к Родине дополняется в нашей культуре еще и ценностной привязанностью к ней как к родной стороне, к месту рождения, в котором вырастают и отдыхают наши победные силы. Этот размах ценностно-смыслового значения Родины создает в русской душе малообъяснимую для других любовь к России, к Советскому Союзу, которым она была еще недавно.

Как доказано, любви сопряжены два вида желания: желание обладания объектом и желание блага этому объекту, которые и определяют существование двух основных видов этой эмоциональной привязанности – собственнической любви и любви каритативной, любви-жалости¹⁰¹.

¹⁰⁰ Ильин И.А. Почему мы верим в Россию. – М.: Эксмо, 2007. – 912 с.

¹⁰¹ Каритативность – сострадательность (А.Т)

«Каритативный блок» русского патриотизма включает в себя, помимо благожелания и заботы о благополучии своей страны, безграничную готовность прощать и сострадание: свою родину мы любим, «как в семьях любят больных детей», и пока любим, готовы ей все прощать – и «дураков, и дороги»¹⁰².

Возможно, русский патриотизм – следствие исторической развертки обстоятельств, в которых формировалось бескрайнее пространство Руси, ее разнообразия при единстве черт схватываемого сознанием облика, придающего созвучие телесному, физическому состоянию и настрою души.

Как справедливо замечает С. Воркачев, «отсюда, очевидно, и сращенность русского человека со своей отчиной вплоть до “химического единства” (Ф. Достоевский). Отсюда и убежденность в том, что человек должен любить свою землю, любить во всех противоречиях, с ее грехами и недостатками. Отсюда и физическая “невозможность жить без Родины”, и сопровождающая любовь “ненависть к отчизне” (Блок) как следствие крайней от нее зависимости»¹⁰³.

Озеро Велье, Валдайская возвышенность. Фото А. Теслинов

---

¹⁰² Воркачев С.Г. Что есть Родина? / Идея патриотизма в русской лингвокультуре. Монография. – Волгоград: «Парадигма», 2008. – 199 с.

¹⁰³ Там же.

«И как русский любит родину,
Так люблю я вспоминать
Дни веселия, дни радости,
Как пришлось мне горевать» (А. Дельвиг).

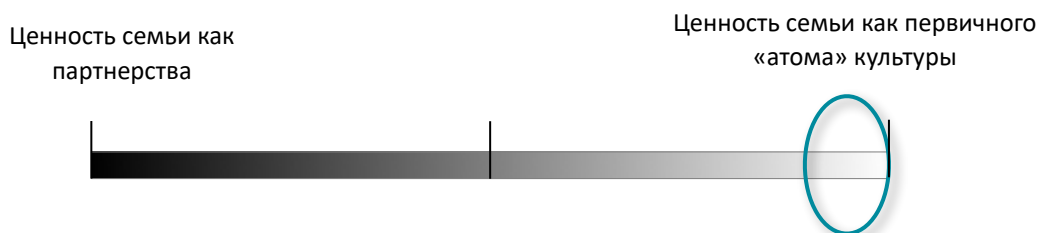
Вот почему, наверное, для носителя русского языка «свою Родину называть “этой страной” – все равно, что свою мать называть “этой бабой”»¹⁰⁴. В этом смысле действительно «Россия – сакральная жена русского духоискателя, а русская природа и русская Душа – это нечто единое» (Ю. Мамлеев).

При всем этом в современном состоянии КРМ уживается сознание, что эта «большая Родина» имеет две ипостаси: родина как государство и Родина как историческое пространство становления русской культуры и персональных судеб людей русского мира. В те периоды, когда эти две родины соединяются в делах и ценностях, в душе народа возникает чувство экстатической благодати от единства желания счастья и нравственной жажды. В периоды разлада между ними – переживание глубокой печали как от конфликта с дорогим существом. В эти периоды отношениями в нашем обществе правит отсутствие консолидации народа с властью. Это закономерно, поскольку «если народ не имеет или не понимает государственную идеологию или она не привлекательна для него, то консолидации народа вокруг власти не будет» (И. Прангишвили).

Стоящую за этими явлениями многослойность России как нельзя лучше выражает философско-эзотерическая символика русской матрешки. «Как в русских пространствах таятся иные пространства, так и матрешка выражает бесконечность русскоискательства, но каждая открываемая матрешка еще не есть конечная суть России. Россия слишком грандиозна, чтобы быть завершенной» (Ю. Мамлеев).

14. В отношении к семье

В КРМ ценность семьи определяется тем, что семья есть средство вовлечения в культуру детенышей рода и источник победных сил всех ее членов, и в этом значении она исполняет роль первичного атома самой культуры.

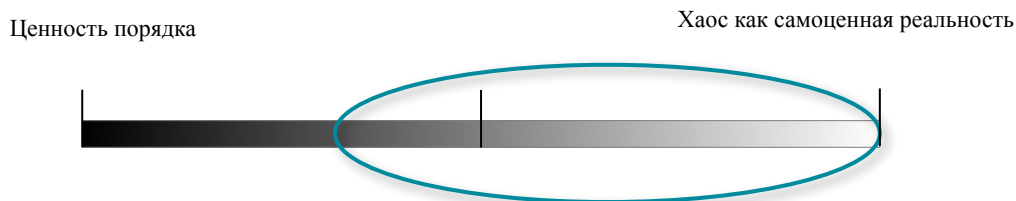

¹⁰⁴ Там же.

Это означает, что семья – это такой союз, в котором мать – женщина, отец – мужчина, они любят друг друга, своих детей и родителей, независимо от того, являются ли они кровно родными. Все другие «прочтения» семьи в КРМ считаются патологически «больными». Люди и общество помогают семьям, если видят в них живой дух. После его смерти помогать перестают.

15. В отношении к порядку

В КРМ, нуждающейся в относительном порядке и поддерживающей его, в имплицитной форме закреплена ценность хаоса как затаившейся космической потенции – ценность сакрального Хаоса.

В русском мире хаос – это не абсолютный беспорядок. Это выход на арену непредсказуемых сил, до неузнаваемости меняющих старое, отжившее. Он происходит особенно ярко в те периоды, когда созревшее, накопившееся в нас, в обществе противоречие прорывается наружу новым поворотом событий, меняющих их исторический ход («хмельная безмерность родимого хаоса» (П. Чаадаев)).

Хаос чувствуется в нерафинированных картинах быта русских деревень, в наших бесконечных неосвоенных просторах, в языке с его зачастую нелогичными структурами и обращениями к неопределенному (авось, небось, некто, нечто, кое-кто, кое-чей, кто-нибудь, что-нибудь, чей-нибудь и пр.), в отношении к требованиям качества продуктов и услуг, в «неурядной» (Ф. Достоевский) земле нашей, в нашем образе жизни, пугающем иностранцев своей непредсказуемостью. Причем эта неотъемлемая черта русского мира и ее последствия несут в себе, как правило, глубочайший духовный смысл. То есть наш «родимый хаос» имеет на самом деле величайшее метафизическое измерение. «*Он врывается в сам Мировой порядок, разрушая его и вливая в Космос новые фантастические силы и тенденции*» (Ю. Мамлеев).

Отчего так? Возможно, это следствие сложившегося уклада жизни, тысячелетнему становлению которого исконно сопутствовала незавершенность, чувство длимости времени и пространства, располагающее к возможности когда-то поступить и сделать иначе, опыт такого устройства мира и жизни, в котором выходит все необычное, непланируемое, но предназначенное для фантастических поворотов дел,

мыслей, а следовательно, и самой истории. Видимо, ради удержания хаоса в узде, необходимость которой интуитивно признается в русском мире, в нем так легко приживается *«авторитаризм и, как следствие, жесткая централизация власти»* (И. Прангишвили).

И все же в русской душе есть некоторое уважение к порядку. Скорее всего, оно сформировано родовой памятью об угрожающей бесконечности возможностей непредсказуемого мира. *«Субъект русской культуры боится прежде всего хаоса внутреннего, той необузданной стихии раскультивирования, которая – стоит лишь внешней контролирующей инстанции на миг отвернуться – грозит вырваться наружу. Отсюда и ужас пресловутого “бессмысленного и беспощадного” русского бунта, которым истеричная интеллигенция не устает пугать общество. Но Пушкин был неправ: бунт не бывает бессмысленным. Психологическое природнение к хаосу в ходе бунта – это начальный акт ритуального обновления мира»* (А. Пелипенко).

И все же –

«...не послать ли нам всю эту мировую гармонию к черту?!» (Ф. Достоевский «Записки из подполья»).

Естественно, что Запад и воплощение разных образцов Мирового порядка никогда не смогут сломить (и не сломали) Россию, а, наоборот, находили в ее снегах свою законную кармическую смерть. *«Ибо Хаос всегда бездонней и необъятней Мирового порядка, и никогда Порядок не сможет победить Хаос, потому что Порядок – лишь упорядоченная, организованная маленькая часть Хаоса, намордник, выброшенный на маленькую частицу мирового Хаоса. Намордник всегда может быть скинут. В этом тоже одна из причин нашей тайной радости и веры в нашу непобедимость»* (Ю. Мамлеев).

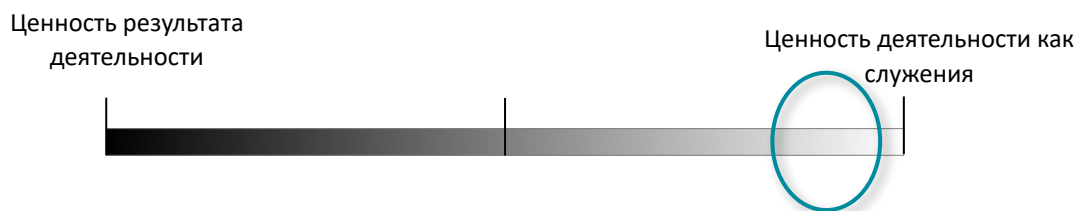
«Россия – страна Сакрального Хаоса» (Ю. Мамлеев).

16. В отношении к труду

В культуре русского мира труд – это прежде всего служение. Чему служение? Для чего служение? Какое служение? – подобные вопросы важны, но не меняют самого признака культурного кода. *«Была бы охота – будет ладиться и работа».*

Почти всегда для носителя русского мировоззрения важно значение того, что стоит «за», что произойдет и останется «после», что должно состояться «в ходе» самого процесса деятельности. И для того чтобы работа началась, в душе русского человека сначала должен состояться ответ на этот или подобный вопрос. Возможно, поэтому *«Россия более приспособлена к фундаментальным исследованиям, выработке нового*

знания (ноу-хау), новым открытиям и созданию уникальных образцов, но в отличие от других народов плохо воспринимает процесс организации и доводки промышленного продукта до серийного изделия (кроме некоторых исключений). Поэтому западная промышленная продукция более качественна и привлекательна» (И. Прангишвили).

Возможно, именно это значение труда в культурном пространстве привело к появлению такого феномена русской культуры, как «сверхзадача». «Сверхзадача и сквозное действие – главная жизненная суть, артерия, нерв, пульс пьесы... Сверхзадача (хотение), сквозное действие (стремление) и выполнение его создают творческий процесс переживания»¹⁰⁵. Это прямое указание на поиск и осознание действительной ценности любого человеческого поступка, человеческой деятельности давно вышло за театральные границы, поскольку в нем оказалось понятием, схваченным и выраженным К. Станиславским существо нашего отношения к тому, что и зачем мы делаем.

Возможно и то, что в таком отношении к работе, к труду проявляется та самая «тоска призвания», на которую намекал Ф. Достоевский, которая тяготит сердце человека русской культуры необходимостью делать что-то конкретное, заниматься чем-то по принуждению профессии, не понимая «последней» нужды в этом. Скорее всего, это след той самой «ненависти ко всему законченному, ко всему, что можно сказать: вот она, истина».

И потому расцветают на Руси поговорки:

К чему душа лежит, к тому и руки приложатся;

Мастерство совершенствуется трудолюбием, а утрачивается праздностью;

Не за свое дело не берись, а за своим – не ленись;

Птицу узнают в полете, а человека – в работе.

17. В отношении к языку

В КРМ язык ценится в своей двоякой роли. В первую очередь он есть средство постижения и обогащения сложной структуры бытия как духовного отражения мира и во вторую – как средства общения

¹⁰⁵ Станиславский К.С. Статьи. Речи. Беседы. Письма. – М.: Искусство, 1953. – 783 с.

между разными народами, объединенными в пространстве русского мира.

Первая ценность возвращена, по-видимому, двумя обстоятельствами.

1. Возможностями самого русского языка – одного из богатейших по своей структуре языков мира, подчиняющей себе те языки, слова которых относительно легко присваиваются ею с помощью разнообразных аффиксов («приаттаченный» файл, развитие «индустрии», продажа «миксеров» и пр.).
2. Силой и талантами гениев нашей культуры, поднявших русский язык на высоту средства распаковывания и пересборки трансцендентного мира, постижения и обогащения самого бытия. Это в первую очередь Пушкин, Лермонтов, Толстой, Тургенев, Достоевский и многие другие, которыми богата земля русская. И теперь, в наше время, Пушкин помогает нам, каждому, чувствовать себя живущим во всегдашнем Бытии торжественно и осмысленно.

«Пушкин – наш Бог-Слово. Безглагольно лежало Бытие, и вдруг из пушки – на Луну, но на Землю выстрелило: сошло Слово, и чего ни коснется – все заголосит своим и нашим, человеческим голосом: Весна (“Гонимы внешними лучами”), Любовь (письмо Татьяны), Море (“Прощай, свободная стихия!”), Петербург (“Красуйся град Петров!”). Воистину, как чародей: отмыкает уста явлениям: “Идет направо – песнь заводит, налево – сказку говорит”. У него – тождество Бытия и Мышления: все бывшее-слышшее только вещественным: Анчар, Туча, “Мороз и Солнце”, – обнаруживает дух и время»¹⁰⁶.

Ценность языка как
средства общения

Ценность языка как средства
постижения и обогащения бытия

Появление второй ценности обусловлено разнообразием народностей со своими особенными языками, которые теперь объединены в понятии «русский мир». Это разнообразие послужило фактором, принуждающим, с одной стороны, русский язык приспособляться к другим языкам, а с другой стороны, другие языки вливаться в русский язык и расширять его тезаурус в функции мощного средства коммуникации между разными народами с другими языками.

¹⁰⁶ Гатчев Г. Русская Дума. Портреты русских мыслителей.

Эти обстоятельства привели к тому актуальному языковому состоянию, а стало быть, к реальности, в которой мир находится сейчас:

«Русский язык стал чужд и “труден” западным европейцам. А без языка народ народу нем (“немец”» (И. Ильин).

Будто подытоживая подобное исследование перед актом обобщения и выведения следствий из представления о коде КРМ, Ю. Мамлеев высказался в своей «России вечной» так:

«Самое худшее в русских – это то, что они люди. А самое лучшее – что они русские».

18. Обобщение кода

Представленная картина особенностей КРМ демонстрирует присутствие в ней как сугубо специфических для нее, неповторимых в других культурах признаков, так и признаков полного диапазона между какими-то полярностями, возможно, совпадающих со многими другими культурами мира (рис. 5).

Осмысление этой «фигуры» кода КРМ выводит к ряду следствий как в части понимания ее свойств, в части определения путей ее укрепления в российском обществе, так и в части оценки ее живучести в развивающемся историческом контексте.

Ценность конкретных персональных достижений		Ценность развивающихся отношений ради творящегося бытия
Ценность индивидуального блага		Ценность безусловного коллективного блага
Ценность овладения наличной реальностью		Ценность «второй реальности» как таинственного плана бытия
Ценность рациональности		Ценность образов и чувств
Религия как способ обретения счастья в		Религия как вход в
Ценность удовлетворения актуальных потребностей		Ценность духовного наслаждения через
Общественный идеал как жизнь с максимальными		Идеал как мировое согласие отношений в бесконечном
Ценность нормы, закона, правила		Ценность безусловной истины отношений
Владычество над миром людей		Ценность изменения мира к высшей форме существования
Ценность подражания и заимствования		Ценность самобытия
Ценность подчинения инаковости		Ценность долгосрочного союза с Другим
Ценность смирения		Ценность перехода через «черту» терпения, бунта
Родина как комфортное место проживания		Родина как сердечно близкая духовная реальность
Семья как партнерский союз		Семья как первичный «атом» культуры и источник
Ценность порядка		Хаос как самоценная реальность
Ценность результата деятельности		Деятельность как служение
Язык как средство общения		Язык как средство постижения и обогащения бытия

7.

Первые следствия проявления кода

Что же из этого следует?

Исходя из представленного в общих чертах кода культуры русского мира, ее свойствами, сочетания которых беспокоят душу не только людей иных культур, но и самих ее носителей, являются следующие.

- Она антиномична. В ней оказываются равноценными противоречащие друг другу признаки: ценности духовного восхождения через преодоление и одновременно ценность удовлетворения материальных потребностей; терпение и отчаянный бунт; национализм и патриотизм; сакральный хаос и порядок; тайная свобода, воля и смирение; братство, коллективизм и свобода индивидуального духа; духовное опьянение и нигилизм; странничество, скитальчество и любовь к своей земле; искание Града Божьего и заглядывание в Бездну. В этом свойстве она малопонятна, непредсказуема и потому опасна. Однако, именно этим свойством в КРМ поддерживаются основания для ее непрерывного развития. Противоречия – способ развития природы в диалектической развертке ее ткани.
- Она проявляет безграничность, необъятность, широту разнообразия своих возможностей, где приуменьшается значение малого, «теплого», конкретного, близкой зоны здравого смысла. Но этой необъятностью культуры приобретает возможность освоения и органичного вживления в свое поле того Великого Неизвестного, которое встает на пути вечного усложняющегося существования живых целостностей. Такой русскую культуру трудно принимать извне. Чужаку в ней легко утонуть. Но только в такой необъятности возможно выплывать к новым берегам.
- Она апокалиптична, поскольку исходит из того, что через гибель может открыться «что-то большее, чем через религиозное благополучие» (Н. Бердяев). С нею можно прервать, разрушить достигнутое. Но с этой способностью можно обратиться к новому, пережить невиданное. Она придает нашей культуре легкость экспериментирования на грани возможного. Ею питается

бесстрашие смертельного, которым продолжается жизнь другого, ценного, чем всегда поражались и устрашались враги отечества.

- Она проявляет ненависть к крайним формам рационального, поскольку опирается на внутренние образы и стихию чувств. Это не позволяет разубеждать нашу культуру в том, что подсказывает ей ее внутренний голос.
- Она носит в себе потребность отрицания, саморазрушения вместе с потребностью самоспасения. Это лишает кого бы то ни было возможности закрепить в ней вдолгую какие бы то ни было внешние сомнительные установки.
- Она аутопоэтична, то есть самовосстанавливаема по подобию символического «ваньки-встаньки» – старинной детской игрушки. Кажущееся подчинение ее какому-либо внутренне чуждому ей жизненному укладу однажды оборачивается бунтом, возвращающим ее к своим истокам.
- Она хаотична, не подчиняется норме, склонна к анархии и не успокаивается удовлетворением с виду спонтанных «хотелок». За ними почти всегда скрывается ожидание космически иного порядка, иного, высшего смысла происходящего.
- В коридоре своих антиномичных свойств она устойчива, гомеостатична, поскольку использует свои противоречия как ресурс живучести. Ее «берега» есть возможности, которые актуализируются, пробуждаются и вступают в «работу» в разных контекстах, придавая ей свойство потока – статичную динамику. Этим свойством создается та «мамлеевская» вечность России, которая не поддается дробящей рефлексии и потому необъяснимой аксиомой живет в сердцах русских людей.
- В мирное время она спокойна. Но в критические для нее самой периоды она проявляет неожиданный максимализм. Дойдя до опасных «краев», она может проявить одновременно и светлое, и темное, сосуществующих в глубине ее «Божественной природы» (Ф. Достоевский).
- Она условно-временно податлива. Она убаюкивает наблюдателей, вождельно ожидающих ее усыпления, признаками успокоенного дыхания. Они будут обмануты уже посреди воображаемой ночи. А к утру и вовсе сметены.
- Прикрываясь мирскими делами, она занимается тем, чем была увлечена всегда, – Богоискательством. Это побуждает ее заглядывать за видимые пределы мира, смотреть на звезды,

свесившись над бездной; слушать несыгранные ноты дыхания Вселенной, чтобы найти, сохранить и принести благую весть миру, играющему в песочнице в «цивилизацию» до того момента, пока его не смоеет всемирным потоком очищения.

- Она сиротлива, поскольку не помнит отчетливо своих родителей, скрытых от нее толщами исторических подмен. Она не помнит их, но ощущает на своих щеках их поцелуи. Эта материнская благодать спрятана от наблюдателей и от нее самой. Но ее «материал всегда чувствуется».
- Она окрылена патриотическим настроением сверхъестественной Природы, прячущей от нее свои живительные силы. И если спросить «откуда они?» - она не найдет что ответить.
- Она тайно желает подрыва «мировой гармонии», не веря в ее полноту и могущество, поскольку «это всего лишь гармония». А где-то за горизонтом просматриваются или кажутся «последние основания» правил жизни. Смотрящий в ту же сторону, но не влюбленный в нее, ничего не увидит и отвернется.
- Она служит, она имеет назначение. Она выполняет роль «окна», через которое можно приблизиться к замыслу Творца. Она назначенчески необходима миру и знает об этом, хотя мир еще не понял этого.

Свет сквозь крону. Акварельные сюжеты. Художник [Илья Иберяев](#)

В связи со всем этим она парадоксальна и сильна. Постигать ее стоит через ее внутренние противоречия, если уметь объяснять их, не отторгая, но любя.

Что дальше?

В связи с этими проявленными особенностями КРМ теперь можно пытаться ответить на вопросы, поставленные в начале исследования. Очевидно, это должно стать содержанием нового исследования. Однако, на некоторые (первые) вопросы уже могут быть получены ответы.

- Кого, какие народы, с какими культурными особенностями следует считать близкими по своим основаниям обществу, сформировавшему современную Россию? Иначе говоря, с кем нам дальше? Теперь, когда у кода КРМ есть хотя бы приблизительная «формула», можно определять эту близость ею, находя признаки близких культур на построенных шкалах. Точно так же можно качественно (не количественно) определять дистанцию КРМ от других культур. Эти последние интереснее всего, поскольку *«в любом партнере интереснее всего то, что он другой»* (Ю. Лотман). Сильный партнер сделает нас сильнее. Слабый... не интересен. Ну а с близкими культурами веселей смотреть на звезды.
- Какими должны стать базовые векторы особенного пути общества с такой культурой, как наша? Куда нам дальше? Теперь ответ есть – к Великому Неизвестному во исполнение своего предназначения всеми своими животворными силами. Или есть другой путь?
- Каковы возможные подходы к формированию нашего пути? Существо подхода к обретению народом своей самобытности в хаосе бессмысленных попыток возвратиться к спокойствию теперь видится в том, чтобы, уточнив и приняв на философско-научном уровне особенности кода КРМ, побудить людей мыслящих, людей творческих профессий к созданию его привлекательных образов в литературе, в театральном пространстве, в разнообразных пространствах художественного творчества, в обыденной жизни. Речь идет о тех средствах, которыми культура формирует ценностно-смысловые ядра в обществе, усиливая его живучесть. В культурологии такие средства известны, хотя и не все.

К радости, этот подход уже формируется на государственном уровне в части, связанной с пониманием ключевых особенностей нашего бытия, создающего причины для сознательного выстраивания особенной внутренней и внешней политики России. Указом Президента РФ от 5 сентября 2022 года № 611 эта реальность приобрела первые концептуальные решения относительно целей, задач и принципов

гуманитарной внешней политики РФ, ядром которой определена культура. Из этих государственных решений следует, что для их реализации российскому обществу принципиально необходимо:

- «Овладеть своей собственной культурой для укрепления ее духовно-нравственных ценностей» (п. 13 Указа). Призывы к решению этой первостепенной задачи идут с середины XIX века в передовой линии отечественной философии, прозы, поэзии, театра, выделивших Россию как особую самостоятельную внеевропейскую цивилизацию (Н. Данилевский «Россия и Европа», 1871). Признание этого обстоятельства с наглядностью происходит в наши дни.
- «Создать условия для формирования и укрепления объективного восприятия нашей страны в мире (п. 14 Указа), для защиты, сохранения и продвижения традиций и идеалов, присущих Русскому миру» (п.15 Указа). Здесь все понятно.
- «Вывести культуру российского общества на уровень “мягкой” влиятельной силы, что возможно при непременном задействовании средств выдающихся образцов разных видов искусства» (п. 29 Указа). Это разумное решение побуждает людей науки, образования, творческих профессий находить возможности для глубокого осмысления уникальной самобытности КРМ и трансляции ее ценностно-смысловых опор в обществе привлекательными образами, которые, как известно, *«многограннее понятия (концепции), и в образе может быть заложено то, что практически невыразимо обычным философским языком»* (Ю. Мамлеев).

Актуальность этих задач и деятельностью подтверждается многими переменами в обществе. Переменами в публичной мировой риторике о международном сотрудничестве, которое провалилось прежде всего по культурологической линии. Переменами в государственных решениях, направленных на трансформацию образования, науки, экономики, самой культуры России. Так, в школах России введен новый предмет «Разговоры о важном», усиливается воспитательная роль учителя, история начинает осваиваться с первого класса. Экономика разворачивается в пользу внутренних процессов. Взрывным образом состоялось осознание братского единства русского, русскоязычного населения страны и дружественных стран. Проявились перемены в отношении населения РФ к своей стране.

Дальше следует искать, творить те способы возвращения нашей культуры своей силы, которой она была и остается прекрасной и в наши дни.

Все только теперь и снова начинается.

Литература

Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М.: Худож. лит., 1975. – 504 с.

Бердяев Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли. – М.: АСТ; Хранитель, 2007. – 445 с.

Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. – С. 1–22.

Берлин И. Подлинная цель познания. Избранные эссе / Пер. с англ. и коммент. В.В. Сапова. – М.: Канон+, 2002. – 800 с.

Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество (из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции) // Православие в культуре России. – М.: Издательский сервис, 2004. – 224 с.

Воркачев С.Г. Что есть Родина?: Идея патриотизма в русской лингвокультуре // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2017. – № 2. – С. 73–79.

Гатчев Г. Русская Дума. Портреты русских мыслителей. – М.: Новости, 1991. – 272 с.

Гоббс Т. Левиафан. – М.: Мысль, 2001. – 478 с.

Гулыга А.В. Русская идея и ее творцы. – М.: Эксмо, 2003. – 448 с.

Данилевский Н.Я. Россия и Европа / Сост. и коммент. Ю.А. Белова; отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2008. – 816 с.

Декарт Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках / Пер. на русский язык Г.Г. Слюсарева и А.П. Юшкевича // Рене Декарт. Сочинения в 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1989. – С. 250–296.

Достоевский Ф.М. Дневник писателя (1876). – М.: АСТ, 2022. – 544 с.

Достоевский Ф.М. Пушкинская речь // Полное собрание сочинений. Т. 26. – Ленинград: Наука, 1984. – С.129–149.

Ильин И. Наши задачи: Историческая судьба и будущее России: Статьи 1948–1954 гг.: в 2 т. Том 1–2. – М.: Рарог, 1992. – 616 с.

Ильин И.А. Почему мы верим в Россию. – М.: Эксмо, 2007. – 912 с.

Корбен А. История исламской философии. – М.: Прогресс-Традиция, 2010. – 360 с.

Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане (1784) // Сочинения в 6 т. Т. 6. – М.: Мысль, 1966. – С. 5–23.

Касьянова К. О русском национальном характере. – М.: Академический проект, 2003. – 560 с.

Коньрева И.В. Плач как феномен русской культуры: автореф. дисс. ... канд. культурологии. – Комсомольск-на-Амуре, 2003. – 24 с.

- Кульчицкий В.А., Дурасов В.А.* Кодекс чести русского офицера. Советы молодому офицеру. Дуэльный кодекс. – М.: АСТ, 2017. – 224 с.
- Леви-Стросс К.* Структурная антропология. – М.: Наука, 1985. – 535 с.
- Леонтьев К.Н.* Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения // Восток, Россия и Славянство. Философская и политическая публицистика: Духовная проза, 1872–1891. – М.: Республика, 1996. – 798 с.
- Лосев Л. Иосиф Бродский: Опыт литературной биографии.* – М.: Молодая гвардия, 2006. – 479 с. – (Жизнь замечательных людей).
- Лотман Ю.М.* Культура и информация // Семиосфера. – СПб.: Искусство, 2010. – 703 с.
- Лотман Ю.М.* Культура и язык // Чему учатся люди. Статьи и заметки. – М.: Центр книги ВГБИЛ им. М.И. Рудомино. – 2010. – С. 56–63.
- Мамлеев Ю.В.* Россия вечная. – М.: Эксмо, 2014. – 512 с. – (Библиотека всемирной литературы).
- Маслоу А.Х.* Теория мотивации человека // Psychological Review. – 1950. – С. 370–396.
- Никаноров С.П.* Формы интеграции человечества с объективной точки зрения на его историю. – М., 2012.
- Никаноров С.П.* Эпоха идеалов закончилась так же быстро, как и началась // Никаноров С.П. Задумки на будущее. – М., 2012. – С. 11. – URL: <https://master-concept.ru/wp-content/uploads/nikanorov-s.p.-zadumki-na-budushhee.pdf> (дата обращения: 17.08.2022).
- Пелипенко А.А.* «Русская система» в культурном измерении // Куда ведет кризис культуры? Опыт междисциплинарных диалогов / Под общ. ред. И.М. Клямкина. – М., 2011. – С. 57–69.
- Пелипенко А.А.* Постижение культуры: в 2 ч. Ч. 1: Культура и смысл. – М.: РОССПЭН, 2014. – 607 с.
- Пелипенко А.А., Яковенко И.Г.* Культура как система. – М., 1998. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 376 с.
- Повесть временных лет/ Перевод Д. С. Лихачева, О. В. Творогова.* – СПб: Вита Нова, 2012. – 509 с.
- Прангшвили И.В.* Энтропийные и другие системные закономерности. – М.: Наука, 2003. – 432 с.
- Снегирев В.А.* Субстанциальность человеческой души. Самосознание и личность. – СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2015. – 80 с.
- Согьял Ринпоче.* Тибетская книга жизни и смерти. 20-летнее юбилейное издание. – М.: Ганга, 2019. – 704 с.
- Станиславский К.С.* Статьи. Речи. Беседы. Письма. – М.: Искусство, 1953. – 783 с.
- Талгор Р.* Садхана (Творчество жизни). – Самара: Ра, 1993. – 80 с.

Телленбах Г. Ментальность в средневековой концепции и практика исследования // История ментальностей и историческая антропология: Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. – М.: Институт всеобщей истории РАН. Российский государственный гуманитарный университет, 1996. – 256 с.

Теслинов А. Г. *Благодатные силы индивидуализации // Идеи и идеалы.* – 2022. – Т. 14, № 2, ч. 1. – С. 180–196. – DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.2.1-180-196.

Теслинов А. Г. О существе развития. Логика «первых» утверждений // Никаноровские чтения: Третья научно-практическая конференция Школы КАиП СОУ (Москва, 25 ноября 2017 г.): сборник статей. – М.: ДиБиЭй-Концепт, 2017. – С. 11–17.

Теслинов А.Г. Великое Неизвестное в концепции субъектной Природы // Никаноровские чтения: Работы С.П. Никанорова. Распаковка идей. Материалы VI науч.-практ. конф. КПиА СОУ (24 декабря 2021 г.)– . М.: ДиБиЭй-Концепт. – 2021. – С. 71–89 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://master-concept.ru/wp-content/uploads/nikanorov6.pdf>

Теслинов А.Г. Концептуальный способ разработки концепций. На примере Концепции непрерывного образования взрослых. – М.: ДиБиЭй-Концепт, 2014. – 144 с. – (Прикладные концептуальные исследования).

Теслинов А.Г. О порождении идеалов развития общества // Идеи и идеалы. – 2022. – Том 14, № 3, ч. 1. – С. 175–194.

Теслинов А.Г. Образование взрослых как средство культурогенеза // Качество дистанционного образования. Новые технологии управления бизнесом: Концепции, проблемы, решения: материалы XVIII Междунар. науч.-практ. конф., 14 декабря 2016 г. – Жуковский: МИМ ЛИНК, 2017. – С. 73–75.

Теслинов А.Г. Организационное саморазвитие. Взрывной подъем качества деятельности. – СПб.: Питер, 2022. – 224 с.

Уайт Л. *Избранное: Наука о культуре.* – М.: РОССПЭН 2004. – 960 с.

Указ Президента РФ от 5 сентября 2022 года № 611 «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом».

Франк С.Л. *Этика нигилизма // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции.* – 3-е изд. – М., 1903. – С. 175.

Хайдеггер М. *Время и бытие.* – М.: Республика, 1993. – 447 с.

Хайек А.Ф. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. – М.: Новости; Catallaxy, 1992. – 304 с.

Хайрутдинов А.Г. *Коран: Осмысление продолжается.* – Казань, 2009. – 92 с.

Чаадаев П.Я. *Философические письма // Полное собрание сочинений и избранные письма.* Том 1. – М.: Наука, 1991. – 768 с.

Шестов Л. *Сочинения в 2 томах. Т. 2: На весах Иова (Странствования по душам).* – М.: Наука, 1993. – 668 с.

Шпет Г. *Мысль и Слово. Избранные труды.* – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. – 688 с.

Юнг К.-Г. К психологии восточной медитации // Юнг. К.-Г. О психологии восточных религий и философий / Сост. В. Бакусеев. – М.: Медиум, 1994. – С. 10.

Ясперс К. Духовная ситуация времени // Смысл и назначение истории. – М.: Политиздат, 1991. – С. 288–418.

<https://master-concept.ru/rusgrad-pilotnaya-model-budushhey-tsivilizatsii/>

ТЕСЛИНОВ Андрей Георгиевич

Профессор, д-р. техн. наук

Актуальные роли

Генеральный директор Научно-консалтинговой группы «[DBA-concept](#)» («Мастерская концептуального мышления»)

Профессор – практик (Executive Professor) [ИБДА РАНХ и ГС](#)

Руководитель [Клуба концептуальных аналитиков](#)

Член Русского географического общества

Руководитель международных образовательных экспедиций менеджеров по странам мира - [ЖИВАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ](#)

Основные сферы деятельности

Разработка концепций и стратегий развития сложных целостностей - организаций, городов, инновационных территорий, культур, образовательных систем

Консультирование в области управления сложными предметными областями, управления развитием и организационными изменениями

Образовательные программы для руководителей верхних уровней управления организациями (EMBA, MBA, DBA, авторские программы)

Научные интересы

Исследование закономерностей развития культур, организаций

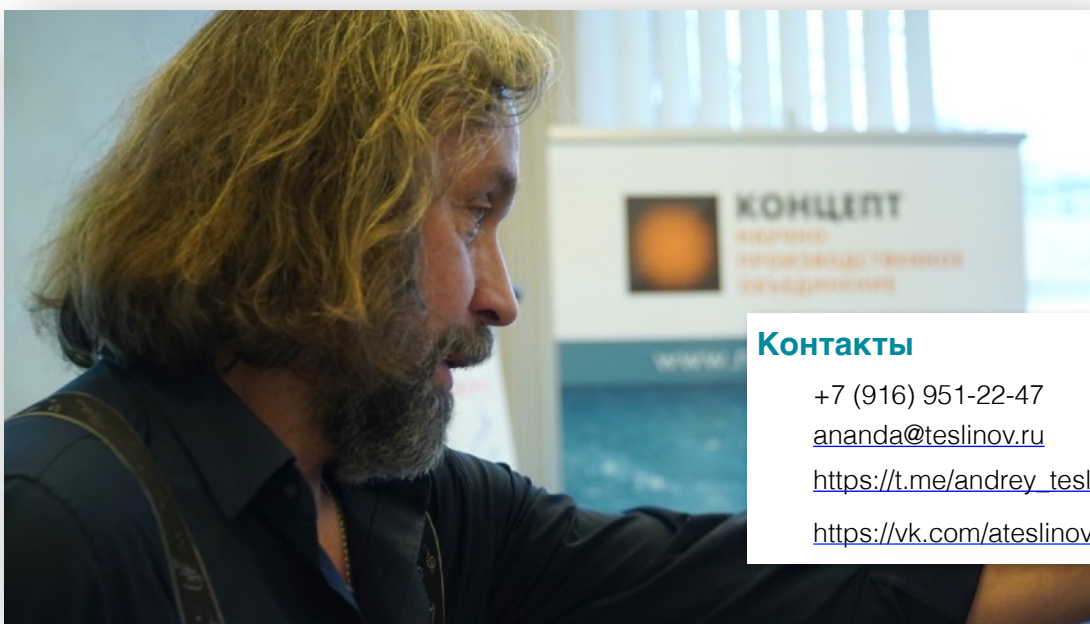
Исследование прогрессивных форм мышления и образования

Концептуальный анализ и проектирование систем организационного управления

Системология

Образование взрослых развивающего типа – Андрагогика развития

Философия развития

Контакты

+7 (916) 951-22-47

ananda@teslinov.ru

https://t.me/andrey_teslinov

<https://vk.com/ateslinov>

Справка о Направлении

Отечественное научно-техническое направление

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ И ПРОЕКТИРОВАНИЕ СИСТЕМ ОРГАНИЗАЦИОННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Школа Спартака Петровича Никанорова

Возраст

Действует с 1970 года (53 года)

Суть

Инженерное использование понятий (концептов) как наиболее продуктивных и конструктивных форм мышления

Сверхзадача

Овладение любой сложной реальностью в сознаваемых целях

Краткая история становления

60-е — оборонные проекты с комплексами технических человеко-машинных систем.

70-е — взрыв сложности в организационных проектах. Становление системологии. Развитие оснований системного анализа (С. Никаноров).

80-е — поиск способов преодоления нарастающей сложности. Идея использования математического аппарата Н. Бурбаки (теория родов структур) для построения и оперирования концептами. Решение проблемы сквозных изменений в концептуально построенных целостностях.

90-е — формирование аппарата концептуального анализа и проектирования систем организационного управления (КА и П СОУ). Первые крупные проекты КП СОУ в государственных заказах. Начало ведения курсов КП СОУ. Кафедра в МФТИ. Опыт концептуализации гуманитарных предметных областей.

2000-е — прекращение государственной поддержки. Создание научно консалтинговых компаний, исповедующих концептуальные технологии. Использование слабых форм концептуализации бизнес-проектов. Развитие Школы в латентной форме.

2010-е — создание Клуба концептуальных аналитиков. Применение концептуальных методов в госпроектах и корпорациях. Запуск курсов по обучению концептуальному мышлению взрослых людей (за пределами физтеха). Выход из латентного состояния.

2020-е — развитие клубной формы поддержки направления. Создание научно-производственного объединения «КОНЦЕПТ». Разработка концепций разного уровня сложности

Типы решаемых задач

- Концептуальный анализ и проектирование систем организационного управления
- Разработка концептов и концепций различного уровня сложности
- Концептуальная расчистка сложных, размытых предметных областей
- Решения концептуальных проблем деятельности
- Конструирование и диагностика систем процедур деятельности
- Разработка сложных интегральных решений

Организации, представляющие Школу

Мастерская
КОНЦЕПТУАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ

Научно-консалтинговая группа «DBA-concept»
(«МАСТЕРСКАЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ»)

<https://www.dbaconcept.ru>

Услуги по выращиванию решений относительно развития деятельности и запуска развивающих процессов на предприятиях на основе концептуальных технологий и образовательных событий.

Три направления деятельности:

- 1. Концептуальный анализ и проектирование.** Работы в традициях Школы концептуального мышления: концепции развития деятельности; стратегии развития организаций; экспертиза инновационных решений; решение проблем развития.
- 2. Развивающее образование взрослых.** Разработка и ведение образовательных программ с поддержкой освоения: технологии развивающего управления; концептуальный анализ и проектирование; системное мышление руководителей; развивающее образование руководителей.
- 3. Исследовательские экспедиции руководителей.** Организация исследовательских экспедиций по странам, городам, организациям, племенам, цивилизациям: исследования закономерностей развития; исследования развития культур; исследование мирового инновационного опыта.

КОНЦЕПТ
НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ
ОБЪЕДИНЕНИЕ

Научно-производственное объединение «КОНЦЕПТ»

<https://npoconcept.ru/>

Услуги в разрешении сложных, размытых, неясных проблем практики для широкого спектра отраслей.

Профессиональные возможности специалистов концептуального научно-технического направления помогают развитию разнородных деятельностей в области международного, государственного, регионального, муниципального управления и бизнеса.

МАСТЕР-КОНЦЕПТ
КЛУБ
КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ
АНАЛИТИКОВ

В КРУГЕ ЯСНОГО МЫШЛЕНИЯ

Клуб концептуальных аналитиков

<https://master-concept.ru/>

Профессиональное сообщество разработчиков, проводников и пользователей технологий мышления, основанных на тщательной работе с концептами. Клуб открыт для мастеров и начинающих ценителей изысканной работы со смыслами

Научно-популярное издание

Теслинов Андрей Георгиевич

КОД КУЛЬТУРЫ РУССКОГО МИРА.

Концепция. Версия 1.0.

Серия «Прикладные концептуальные исследования»

Издательство Научно-консалтинговой группы
«ДиБиЭй-Концепт»

г. Москва

info@dbaconcept.ru

Редактор Наталья Астанина

Оформление НКГ «ДиБиЭй-Концепт»

Знак информационной продукции (12+)

ISBN 978-5-906476-17-3

